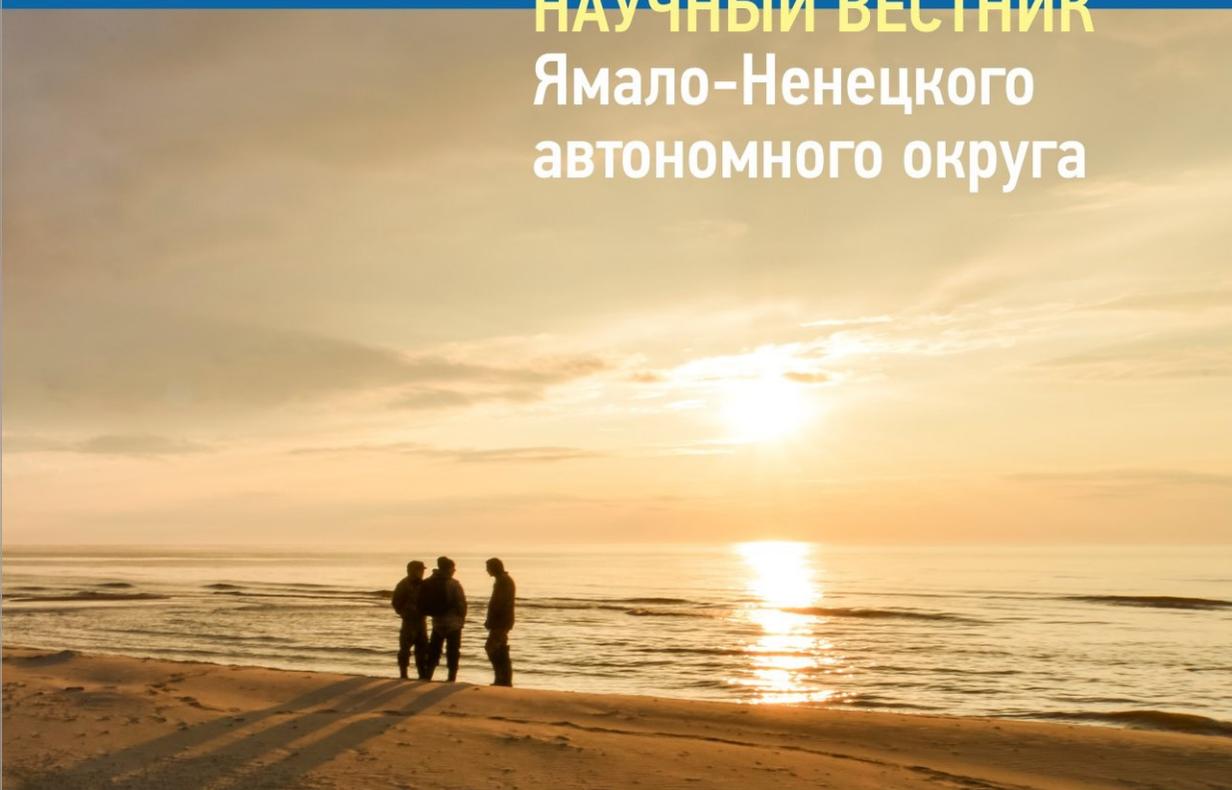

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
Ямало-Ненецкого
автономного округа

Scientific Bulletin
of the Yamal-Nenets
Autonomous District

Российская Федерация
Ямало-Ненецкий автономный округ
Государственное казенное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа
«Научный центр изучения Арктики»

ISSN 2587-6996 (печатное издание)

№ 3 (112)

июль-сентябрь

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК Ямало-Ненецкого автономного округа

Scientific Bulletin
of the Yamal-Nenets
Autonomous District

Salekhard 2021

Научный журнал
Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа
Издается с 1999 года по инициативе Правительства Ямало-Ненецкого
автономного округа
В год – 4 номера

Главный редактор:

Д.А. Фролов – канд. техн. наук, Научный центр изучения Арктики (Салехард, Россия).

Редакционная коллегия:

Е.В. Абакумов – д-р биол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия);

Е.В. Агбалиян – д-р биол. наук (Тюмень, Россия);

В.Д. Богданов – д-р биол. наук, член-корреспондент РАН, Институт экологии растений и животных УрО РАН (Екатеринбург, Россия);

А.В. Головнев – д-р ист. наук, профессор, член-корреспондент РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия);

Е.И. Григорьева – д-р культурологии, профессор, Российский государственный социальный университет (Москва, Россия);

Е.В. Дзякович – д-р культурологии, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия);

А.А. Егоров – канд. биол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет (Санкт-Петербург, Россия);

Б.Н. Зырянов – д-р мед. наук, профессор (Омск, Россия);

Н.Б. Кошкарева – д-р филол. наук, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия);

В.В. Кириллов – канд. биол. наук, Институт водных и экологических проблем СО РАН (Барнаул, Россия);

Р.А. Колесников – канд. геогр. наук, Научный центр изучения Арктики (Салехард, Россия);

Е.Н. Моргун – канд. биол. наук, Научный центр изучения Арктики (Салехард, Россия);

А.С. Несмелая – канд. пед. наук, Научный центр изучения Арктики (Салехард, Россия);

Д.А. Петрашова – канд. биол. наук, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия);

А.Н. Пилясов – д-р геогр. наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия);

И.М. Чубаров – д-р филос. наук, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия).

Редакция:

В.В. Пономарев – зам. главного редактора, Научный центр изучения Арктики;

Е.А. Сухова – корректор, Научный центр изучения Арктики;

Р.В. Серебрякова – переводчик, канд. филол. наук, Научный центр изучения Арктики.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕЛОВЕК В АРКТИКЕ

Андреев Г.А., Колесников Р.А., Макеева С.А., Рожковский Е.В.

Добровольчество в сфере экологии
как механизм повышения экологической культуры6

Зырянов Б.Н.

Предраковые заболевания слизистой
полости рта и губ у населения Крайнего Севера19

Пономарев В.В.

Обзор научных работ по изучению влияния полярной ночи
на здоровье населения Крайнего Севера России34

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Галеева Н.Ф., Кулиш А.С.

Праздник «Проводы льда» в культуре
сибирских татар и северных селькупов 48

Гурьянова Г.Г.

Изобразительное искусство Ямала: векторы и ритмы
взаимодействия с миром61

ИСТОРИЯ

Вольф А.Е.

Становление кирпичного производства Салехарда
в период вхождения округа в состав
Омской области (1935 – 1944 гг.)76

ЧЕЛОВЕК В АРКТИКЕ

Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. № 3. (112). С. 6-18.

Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. № 3. (112). P. 6-18.

ЧЕЛОВЕК В АРКТИКЕ

Научная статья

УДК 316.3 37.013 911.52 502.63

doi: 10.26110/ARCTIC.2021.112.3.001

ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО В СФЕРЕ ЭКОЛОГИИ КАК МЕХАНИЗМ ПОВЫШЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

*Георгий Александрович Андреев¹, Роман Александрович
Колесников², София Андреевна Макеева³, Евгений
Витальевич Рожковский⁴*

^{1,2} Научный центр изучения Арктики, Салехард, Россия

^{1,4} МОЭО «Зеленая Арктика», Салехард, Россия

³ Французский университетский колледж при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова

¹andreev89.09@gmail.com

²roman387@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-2722-5133>

³sonia.makeeva@mail.ru

⁴greenarctic@mail.ru

Аннотация. На примере деятельности добровольческой экологической организации проведен анализ современного состояния экологической культуры волонтеров и рассмотрены вопросы использования волонтерской деятельности в формировании экологической культуры. Правильное использование потенциала добровольцев, на наш взгляд, может стать одним из механизмов повышения экологической культуры населения.

Ключевые слова: Арктика, экологическая культура, экологическое образование, экологическое волонтерство, добровольцы, экология.

Цитирование: Г.А. Андреев, Р.А. Колесников, С.А. Макеева, Е.В. Рожковский. Добровольчество в сфере экологии как механизм повышения экологической культуры // Научный вестник Ямало-Не-

нецкого автономного округа. 2021. №3. (112). С. 6-18.
doi:10.26110/ARCTIC.2021.112.3.001

Original article

VOLUNTEERING IN THE FIELD OF ECOLOGY AS A MECHANISM FOR ENHANCING ENVIRONMENTAL CULTURE

**Georgy A. Andreev¹, Roman A. Kolesnikov², Sofia A. Makeeva³,
Evgeniy V. Rozhkovsky⁴,**

^{1,2}Arctic Research Center, Salekhard, Russia

^{1,4}Green Arctic, Salekhard, Russia

³French College of Lomonosov Moscow State University

¹andreev89.09@gmail.com

²roman387@mai.ru <https://orcid.org/0000-0002-2722-5133>

³sonia.makeeva@mail.ru

⁴greenarctic@mail.ru

Abstract. By the example of the activities of a volunteer environmental organization, the analysis of the current state of the environmental culture of volunteers was carried out and the issues of using volunteer activities in the formation of environmental culture were considered. The correct use of the potential of volunteers, in our opinion, can become one of the mechanisms for increasing the ecological culture of the population.

Keywords: Arctic, environmental culture, environmental education, environmental volunteering, volunteers, ecology.

Citation: G.A. Andreev, R.A. Kolesnikov, S.A. Makeeva, E.V. Rozhkovsky Volunteering in the field of ecology as a mechanism for enhancing environmental culture // Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. № 3. (112). P. 6-18. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.112.3.001

Введение

Существует множество подтверждений тому, что на протяжении всей человеческой истории хозяйственные и экономические ценности в общественном массовом сознании доминировали над экологическим благополучием. Вследствие эволюционного развития психологически нам гораздо проще предпочесть удовлетворение сиюминутных потребностей

отложенной пользе и выгоде. Так наши предки часто оказывались причиной экологических катастроф локального характера вследствие своей активной хозяйственной деятельности. Однако влияние человека на природу колоссально возросло после индустриальной революции, что в настоящее время приводит к глобальным экологическим проблемам масштаба целых стран и планеты [1].

Бессмысленно говорить об остановке или замедлении процесса индустриализации. Целесообразнее формировать механизмы, компенсирующие и сдерживающие негативное влияние человека на природу. Нам требуется возвращать экологическую культуру, как познание, осознание и соблюдение той степени свободы действий, которой обладает человек в отношении природы [2,3].

Решение задачи формирования экологической культуры обычно рассматривают через призму экологического образования и экологического воспитания, происходящего на базе образовательных учреждений. Однако применение указанных механизмов не приводит к достижению желаемого результата — экономические ценности продолжают доминировать над экологическими [4]. Это связано с тем что, несмотря на постоянно растущую важность экологической повестки, в государственной образовательной системе до сих пор нет однозначного представления о том, какие именно знания, умения и навыки необходимо формировать в процессе экологического образования и как осуществлять экологическое воспитание для развития соответствующих ценностных установок личности [5]. Наукоориентированный и, в основном, оторванный от реальной жизни образовательный процесс направлен на передачу ученикам как можно большего количества статичных знаний по разным предметам, а не на формирование ценностей и смыслов. Образовательная система оторвана от социальной и природной сред, в которых на практике могут быть восполнены недостатки применяемых методов экологического образования и воспитания. Сознанию педагогов, как продуктов той же системы, явно не хватает обостренного восприятия кризисного состояния природы, адекватной рефлексии складывающейся экологической ситуации — они не в состоянии выступать в качестве фасилитаторов экологических ценностей и смыслов.

Решением данной проблемы может стать внедрение деятельностного подхода в образовании, когда помимо передачи теоретических знаний экологической направленности, ученики привлекаются к социокультурной деятельности в сфере экологии и получают возможность осмыслить теорию на практике [4]. Одним из видов такого деятельностного подхода, несомненно, является волонтерство — важнейший социальный феномен, позволяющий широкому кругу лиц принять участие в социальной, культурной, политической и экономической жизни общества, в том числе приобщиться к реализации экологических проектов. Специалисты-ис-

следователи отмечают повышение уровня экологической культуры среди участников экологического волонтерства [6,7].

Целью нашего исследования стало изучение экологического добровольчества как одного из возможных механизмов повышения экологической культуры на примере экологических проектов Межрегиональной общественной экосоциологической организации «Зеленая Арктика» (далее – Зеленая Арктика) и их участников – добровольцев-экологов, очищающих российскую Арктику [8,9].

Материалы и методы

Эмпирической основой исследования послужили данные социологического опроса, проведенного с помощью Google Forms, а также анализ результатов неформализованного интервью среди лиц, принимавших участие в добровольческих экологических проектах Зеленой Арктики на территории Ямало-Ненецкого автономного округа в период с 2014 по 2021 год.

Анкета социологического опроса включала следующие вопросы:

1. С каким из предложенных животных у Вас ассоциируется природа? Раненый леопард / рысь / котенок
2. Считаете ли Вы, что композиторы, художники, писатели и поэты в своем творчестве часто преувеличивают значение природы? Да / нет
3. Термин «экология» для Вас больше ассоциируется с ... академической наукой / образом жизни / новостной повесткой / гражданской позицией
4. Как по-вашему, способен ли каждый отдельный человек повлиять своими действиями на изменение экологической обстановки (как в лучшую, так и в худшую сторону)? Да/нет
5. Вы выбрасываете мусор (фантик, обёртку, пачку от сигарет и т.п.) на улице? Да / нет / иногда / когда рядом нет урны
6. Если на улице продают букеты из раннецветущих растений, охраняемых Красной книгой, то Вы ... скорее не обратите внимания и пройдете мимо / подумаете, что это наказуемо законом, но пройдете мимо / подойдете и объясните, что так делать нельзя / купите букетик
7. Практикуете ли Вы что-то из нижеперечисленного? хожу в магазины с шоппером (авоськой) / покупаю напитки в свой многоразовый стакан / сортирую отходы и сдаю их на переработку / занимаюсь волонтерством в сфере экологии / занимаюсь просветительской деятельностью в сфере экологии / отказываюсь от избыточного потребления: берегу вещи, покупаю одежду в секонд-хендах и т.п. / ничего из перечисленного
8. Как, по-вашему, избавиться от стихийных свалок? ужесточить меры ответственности за свалку мусора / вести просветительскую дея-

тельность по разъяснению недопустимости образования стихийных свалок / наладить рабочую технологическую цепочку по обращению с отходами

9. Насколько доступной, по Вашему мнению, на сегодняшний день является информация о состоянии окружающей среды в месте Вашего проживания? находится в открытом доступе / никогда не интересовался / информация отсутствует

10. Интересно ли Вам получать информацию о состоянии окружающей среды? Интересно / не интересно

11. Готовы ли Вы сами вести просветительскую работу с населением по сохранению стабильной экологической ситуации? Да / нет

Выборка составила 116 человек – это количество участников экологического проекта Зеленой Арктики в 2021 году, успешно прошедших психологическое тестирование, образовательную программу и допущенных к собеседованию для дальнейшего участия в летних экологических экспедициях. Участники опроса представлены следующими категориями: 66,4% опрошенных – женщины, 33,6% – мужчины, 48,3% в возрасте от 25 до 35 лет, 22,4% в возрасте от 35 до 45 лет, 23,3% – от 18 до 25 лет, 6% (7 человек) – старше 45 лет.

Результаты и обсуждение

В Российской Федерации волонтеры активно привлекаются к реализации различных экологических проектов [10]. Практика привлечения добровольцев к реализации экологических проектов на территории Ямало-Ненецкого автономного округа началась в 2012 году. На сегодняшний день в общей сложности в проектах Зеленой Арктики приняло участие около 250 добровольцев из 11 стран. В ходе 11 экспедиций с 2012 по 2020 год силами волонтеров-экологов Зеленой Арктики очищено более 100 га земли, собрано более 2300 тонн металлолома [8].

Суровые условия жизни и работы в Арктике требуют от кандидатов в добровольцы прохождения строгого отбора и разносторонней подготовки. К участию в проектах допускаются люди от 18 до 45 лет. Комплекс мероприятий по отбору и подготовке добровольцев, проводимый специалистами Зеленой Арктики, включает в себя психологическое тестирование, образовательную программу по экологии и другим дисциплинам, а также собеседование с организационной группой. Данный процесс назван Проектом комплексной подготовки Волонтеров Арктики. Добровольцев, которые успешно прошли все этапы Проекта и приняли участие в экспедициях Зеленой Арктики, называют «Волонтерами Арктики».

Входное психологическое тестирование для добровольцев направлено на выявление мотивации, привычных способов реагирования и коммуни-

кативных особенностей. Тест содержит закрытые вопросы, которые подразумевают однозначный вариант «да»/«нет» или выбор ответа из предложенного списка. В некоторых вопросах вместе с заданными вариантами ответа имеется свой вариант, что позволяет добровольцу больше сказать о себе. Для проверки ответов на социальную желательность используются открытые вопросы, без заданных вариантов ответа. Они позволяют более ясно понять репертуар стратегий человека, уровень коммуникативных навыков и факторы, регулирующие его деятельность. Тестирование ежегодно корректируется и дорабатывается привлеченными специалистами.

Образовательная программа проводится весной, перед началом экспедиционных работ. Её цель — дать будущим добровольцам теоретические знания об Арктике в целом и о ЯНАО в частности. Подготовка ведётся по следующим обязательным предметам: «Общая экология», «Прикладная экология», «Сохранение здоровья позвоночника в экспедиционных условиях», а также по факультативным предметам: «История освоения Арктики», «Психология команд и экстремальных ситуаций». В качестве спикеров выступают ученые ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» и Арктического научно-исследовательского стационара Института экологии растений и животных УрО РАН, специалист по физической реабилитации, когнитивный психолог, политолог, спасатель, экоактивист и полярник. Все лекции проводятся в формате видеоконференций с использованием площадки дистанционного образования iSpring и площадки для проведения видеоконференций Zoom. Общая продолжительность лекций 2021 года составила 27,5 академических часов. Курс считается пройденным, если участник прослушал все лекции по обязательным предметам и ответил на тестовые задания по каждому из них.

Процесс отбора завершается собеседованием с претендентами, прошедшими психологическое тестирование и успешно завершившими образовательную программу. В собеседовании 2021 года, помимо организаторов из членов Зеленой Арктики, в качестве приглашенного специалиста принял участие когнитивный психолог с опытом работы в Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, а также опытные Волонтеры Арктики.

В процессе собеседования с кандидатами, проводимого в формате интервью, мы обращаем внимание на три важных фактора: наличие туристического/экспедиционного опыта, наличие сформированной точки зрения на экологические вопросы, а также наличие волонтерского опыта. Туристический/экспедиционный опыт важен для всех участников экспедиционных проектов в условиях Крайнего Севера. По опыту организации туристических волонтерских сборов, проводимых с целью выполнения упражнений на командообразование, туристические походы способству-

ют осознанию собственных физических и эмоциональных резервов будущими волонтерами. Такое осознание должно произойти ещё до участия человека в экспедиции. В особенности это касается экспедиционных проектов на островах и отдаленных территориях, где возможность прибытия транспорта в экстренной ситуации крайне ограничена. Сформированная точка зрения на экологические вопросы важна как показатель искренней заинтересованности претендента в миссии экологического проекта. Наличие волонтерского опыта – практически обязательный пункт отбора, позволяющий выявить претендентов с активной гражданской позицией и ценностями безвозмездного служения обществу. В приоритете опыт экологического или социального волонтерства.

Все вышеперечисленные этапы отбора и подготовки позволяют организаторам отобрать активных, физически подготовленных и экологически неравнодушных людей, чьи жизненные приоритеты выходят за пределы удовлетворения собственных нужд и дать им необходимый набор теоретических знаний и практических навыков для участия в экспедиционных проектах на Крайнем Севере.

Необходимо отметить, что начиная с 2020 года в экспедициях Зеленой Арктики в качестве добровольцев могут принимать участие женщины, чего не было ранее. Это обусловлено появлением проектов в населенных пунктах, где есть относительно комфортные условия проживания, отсутствует угроза со стороны хищных животных.

Дальнейшее развитие проекта видится в изменении образовательной программы для волонтеров-экологов таким образом, чтобы все учащиеся получали не просто знания из сферы экологии Арктики, но и учились пользоваться всеми необходимыми и доступными инструментами для распространения своих знаний, ценностей и смыслов.

Анализ деятельности волонтеров Зеленой Арктики показывает, что помимо успешного выполнения практических задач (например, очистка земельных участков от захлаждений) наблюдается положительная динамика командной работы непосредственно после завершения экспедиций, в том числе в части экологического образования. Так после реализации Проекта в 2020 году из 41 волонтера, что приняли участие в экспедициях на остров Вилькицкого и в село Сеяха, девять человек активно включились в реализацию просветительских мероприятий по экологии и командообразованию для учеников школы-интерната села Сеяха, двое добровольцев получили и реализовали грант Проектного офиса развития Арктики, создав сайт-визитку острова Вилькицкого (<https://www.vilkitsky.ru/>). Помимо этого активные добровольцы организовали и провели ряд информационных встреч со школьниками и студентами, посвященных экологии и уборке арктических территорий силами волонтеров.

Все эти мероприятия способствуют распространению ценностей добровольчества, привлечению внимания к экологическим проблемам российской и мировой Арктики и созданию позитивного экологического имиджа Ямало-Ненецкого автономного округа, а сами волонтеры-экологи выступают в роли носителей и передатчиков некоторых социокультурных ценностей и смыслов.

В ходе исследования были получены следующие результаты социологического опроса. Отвечая на вопрос об ассоциации с природой, 54,3% выбрали вариант «леопард», 41,4% – «раненая рысь» и только 4,3% – «котенок». Таким образом, несмотря на озабоченность проблемами экологии, более половины опрошенных ответили, что природа для них ассоциируется с сильным и независимым зверем, а не с раненым или беззащитным.

На вопрос о людях искусства лишь 0,9% опрошенных выбрали ответ «преувеличивать ценность». Этот результат говорит о значении природы в жизни опрошенных людей. Абсолютное большинство подмечает красоту, не только будучи на природе, но и за книгой или на фортепианном концерте.

Ответы на вопрос о смысле слова «экология» разделились следующим образом: новостная повестка – 6,9%, академическая наука – 13,8%, гражданская позиция – 22,4%, образ жизни – 44,8%. При этом ответ «гражданская позиция» одинаково популярен среди людей более старшего возраста – 26,8% для возраста от 25 до 35 и 24,2% для возраста от 35 и старше, но не так популярен для опрошенных в возрасте от 18 до 25 – всего 11,1%. Зато для половины из молодых людей (51,9%) экология – это образ жизни. 12,1% предпочли дать свой вариант ответа на поставленный вопрос, в числе которых популярны вариации ответа «все перечисленное вместе».

Такие пункты как «способен ли человек повлиять на экологическую ситуацию» и «выбрасываете ли вы мусор на улицу» получили довольно показательные результаты. Данные по этим вопросам были в какой-то степени предсказуемы – 95,7% уверены, что человек может повлиять на экологическую ситуацию, при этом всего 2,6% опрошенных готовы выбросить мусор на улице, если рядом нет урны. Этот вопрос более других интересно сравнить с фоновым показателем. Но у нас есть очень высокий процент, подтверждающий начальный уровень экологической культуры и ответственности у опрошенных.

В вопросе про собственные экологические привычки мы получили следующие ответы: собственные сумки для многократного использования (шопперы, авоськи) для покупок в магазине имеют 81,9% опрошенных, 70,7% ответили, что отказываются от избыточного потребления, 62,1% занимаются волонтерством в сфере экологии (это говорит о том, что для 44 опрошенных наш проект будет первым опытом эковолонтерства), 60,3% сортируют и сдают отходы в переработку, 41% занимается экологическим

просвещением, 37% покупают напитки в свою многоразовую посуду и лишь 2 человека (1,7%) ответили, что не имеют ни одной из вышеперечисленных экологических привычек. 36,6% опрошенных на вопрос о причине формирования стихийных свалок высказали мнение, что причина в низкой вовлеченности местных жителей, знающих о проблеме, но не принимающих участия в её решении, а самым популярным методом решения проблемы стихийных свалок среди наших респондентов стал вариант «наладить рабочую технологическую цепочку по обращению с отходами». Варианты «недоработка власти» и «низкая ответственность бизнеса» выбрали 13,9% и 14,9% соответственно. 17,8% считают, что местные жители просто не знают о проблеме вследствие низкого уровня экологической грамотности. На вопрос о заинтересованности в получении актуальной информации о состоянии окружающей среды лишь 4% опрошенных ответили «не заинтересован».

Таким образом, совпадение ценностных ориентиров волонтеров-экологов, наблюдаемое в течение 8 лет, позволяет предположить, что добровольцы, реализующие экологические проекты Зеленой Арктики являются носителями экологической культуры. Несмотря на то, что без сравнения с фоновыми показателями невозможно правильно интерпретировать полученные результаты, процент экологически образованных и культурных людей среди волонтеров-экологов Зеленой Арктики видится нам довольно высоким. Мы продолжим данное исследование, сравнив ответы наших респондентов с ответами людей из случайной выборки. Однако с помощью данного опроса мы смогли более ярко увидеть экологические тенденции среди наших участников – большинство из них не только беспокоится о состоянии окружающей среды, но и старается помочь природе практическими действиями. На это указывает количество людей, сочувствующих природе, тех, кто занимается волонтерской деятельностью в сфере экологии и имеет те или иные полезные экопривычки.

Заключение

На сегодняшний день проект отбора и комплексной подготовки Волонтеров Арктики показал себя только с положительной стороны. Добровольцы, приезжающие на Крайний Север для участия в волонтерских экологических экспедициях, прошедшие психологический отбор и получившие развернутое представление о важности арктического региона не только с точки зрения экономики, но и культуры и истории страны, являются носителями данных экологических и культурных ценностей. Их роль важна не только с точки зрения очистки конкретных территорий от накопленных в советский период антропогенных загрязнений, но и с позиции распространения экологических ценностей среди местных жителей

в населенных пунктах, где реализуются экологические проекты, а также в более широком информационном поле посредством социальных сетей.

Опытные добровольцы-экологи, уже осознающие или близкие к осознанию меры свободы человека по отношению к природе и необходимости обеспечения благоприятной окружающей природной среды для нормальной жизнедеятельности человека, способны выступать в качестве проводников – фасилитаторов экологических ценностей и смыслов.

Список источников

1. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды / пер. с нем. Ф. Штильмарк; нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 472 с.
2. Глазачев С.Н., Глазачева О.А. Экологическая культура – метафора эпохи перемен // Вестник Международной академии наук. 2008. № 2. С. 24-32.
3. Когай Е.А. Экология культуры: предметное поле исследования // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 5. С. 36-44.
4. Горбунов Л.М. Экологическая культура – от человека образованного к человеку культуры // Вестник ИрГТУ. 2004. № 2 (18). С. 141-147.
5. Цветкова Л.И., Копина Г.И., Макарова С.В., Барышникова Т.Н. Экологическая культура и экологическое образование // Вода и экология. 2017. № 2. С. 79-89.
6. Вебстер К., Жевлакова М.А., Кириллов П.Н., Корякина Н.И. От экологического образования – к образованию для устойчивого развития. – СПб.: Наука; САГА, 2005. – 137 с.
7. Бобылева Л.Д. О воспитании экологической культуры // Высшее образование в России. 2003. № 5. С. 132-135.
8. Андреев Г.А., Колесников Р.А., Рожковский Е.В. Становление арктического экологического волонтерства в Ямало-Ненецком автономном округе и пути его развития // Научный Вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2020. (109). № 4. С. 4-13.
9. Андреев Г.А. Остров Вилькицкого // Ростов-на-Дону, 2018. ISBN 978-5-904079-31-4.
10. Макарова Е. Роль волонтеров в реализации Национального проекта «Экология» (на примере Мурманской области) // АРКТИКА – 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2020. № 2. С. 50-54.

References

1. Nature and power. World History of the Environment / translation from German by F. Shtilmark; National Research University Higher School of Economics. – Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. – 472 p.
2. Glazachev S.N., Glazacheva O.A. Environmental culture - a metaphor for an era of change // Bulletin of the International Academy of Sciences. 2008. № 2. P. 24-32.

3. Kogay E.A. Ecology of culture: subject field of research // Social knowledge and humanities. 2002. № 5. P. 36-44.
4. Gorbunov L.M. Environmental culture – from an educated person to a cultured person // Bulletin of ISTU. 2004. №. 2 (18). P. 141-147.
5. Tsvetkova L.I., Kopina G.I., Makarova S.V., Baryshnikova T.N. Environmental culture and environmental education // Water and ecology. 2017. №. 2. P. 79-89.
6. Webster K., Zhevlakova M.A., Kirillov P.N., Koryakina N.I. From environmental education to education for sustainable development. – St. Petersburg: Nauka; SAGA, 2005. – 137 p.
7. Bobileva L.D. Speaking of the upbringing of ecological culture // Higher education in Russia. 2003. №. 5. P. 132-135.
8. Andreev G.A., Kolesnikov R.A., Rozhkovsky E.V. Formation of Arctic environmental volunteering in the Yamal-Nenets Autonomous District and the ways of its development // Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2020. (109). №. 4. P. 4-13.
9. Andreev G.A. Vilkitsky Island // Rostov-on-Don, 2018. ISBN 978-5-904079-31-4.
10. Makarova E. The role of volunteers in the implementation of the National project «Ecology» (by the example of the Murmansk region) // ARCTIC – 2035: topical issues, problems, solutions. 2020. № 2. P. 50-54.

Сведения об авторах

Георгий Александрович Андреев, младший научный сотрудник сектора охраны окружающей среды ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», проектный руководитель МОЭО «Зеленая Арктика», участник и организатор пяти волонтерских экспедиций на острова Белый и Вилькицкого и полуостров Ямал, идейный вдохновитель и руководитель проекта комплексной подготовки «Волонтеры Арктики». Область научных интересов: геоэкология, социология, педагогика.

Роман Александрович Колесников, российский ученый, эколог-практик, специалист в области охраны окружающей среды, кандидат географических наук, заведующий сектором охраны окружающей среды ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики». Является экспертом Национального арктического научно-образовательного консорциума, экспертом ситуационного центра сферы туризма Российского государственного университета туризма и сервиса. Общественный инспектор по охране окружающей среды. Автор и соавтор более 70 научных работ. Область научных интересов: охрана окружающей среды и рациональное природопользование, геоэкология, геохимия, ландшафтоведение, почвоведение и география почв, палеоэкология и экологическое прогнозирование, рекреационное природопользование, экономическая география.

София Андреевна Макеева, магистрант 1-го курса направления «социология» Французского университетского колледжа МГУ им. М.В.Ломо-

носова. Закончила бакалавриат по направлению «политология» Государственного академического университета гуманитарных наук. Принимала активное участие в работе Всероссийской исследовательской школы студентов, аспирантов и молодых учёных «Русский Север и Арктика: фундаментальные проблемы истории и современности» и школы молодых ученых РАН.

Евгений Витальевич Рожковский, эксперт I категории отдела координации научной деятельности и развития научной инфраструктуры департамента внешних связей Ямало-Ненецкого автономного округа, председатель МОЭО «Зелёная Арктика», участник и организатор волонтерских экспедиций на острова Белый и Вилькицкого и полуостров Ямал, общественный инспектор по охране окружающей среды.

Information about the authors

Georgy Aleksandrovich Andreev, Junior Researcher of the Environmental Sector of the Arctic Research Center of the Yamal-Nenets Autonomous District, project manager of the Interregional public ecosociological organization “Green Arctic”, participant and organizer of five volunteer expeditions to the Bely and Vilkitsky Islands and the Yamal Peninsula, ideological inspirer and head of the comprehensive training project “Volunteers of the Arctic”. Research interests: geoecology, sociology, pedagogy.

Roman Aleksandrovich Kolesnikov, Russian scientist, ecologist-practitioner, specialist in the field of environmental protection, Candidate of Geographic Sciences, head of the Environmental Sector of the Arctic Research Center of the Yamal-Nenets Autonomous District. Expert of the National Arctic Scientific and Educational Consortium, expert of the situational center of tourism of the Russian State University of Tourism and Service. Public Environmental Inspector. Author and co-author of over 70 scientific papers. Research interests: environmental protection and rational nature management, geoecology, geochemistry, landscape science, soil science and soil geography, paleoecology and ecological forecasting, recreational nature management, economic geography.

Sofia Andreevna Makeeva, 1st year undergraduate student in sociology of French College of Lomonosov Moscow State University. She received a bachelor's degree in political science from the State Academic University for the Humanities. She took an active part in the work of the All-Russian Research School for Students, Postgraduates and Young Scientists “The Russian North and the Arctic: Fundamental Problems of History and Modernity” and the School for Young Scientists of the Russian Academy of Sciences.

Evgeny Vitalievich Rozhkovsky, Category I Expert of the Department for Coordination of Scientific Activities and Development of Scientific Infrastructure

of the Department of External Relations of the Yamal-Nenets Autonomous District, Chairman of the Interregional public ecosociological organization “Green Arctic”, participant and organizer of volunteer expeditions to the Bely and Vilkitsky Islands and the Yamal Peninsula. Public Environmental Inspector.

Статья поступила в редакцию 11.06.2021 г., принята к публикации 01.09.2021 г.

The article was submitted on June 11, 2021, accepted for publication on September 1, 2021.

Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. № 3. (112). С. 19-33.

Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. № 3. (112). P. 19-33.

ЧЕЛОВЕК В АРКТИКЕ

Научная статья

УДК 616.31-006(571.121)

doi: 10.26110/ARCTIC.2021.112.3.002

ПРЕДРАКОВЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ СЛИЗИСТОЙ ПОЛОСТИ РТА И ГУБ У НАСЕЛЕНИЯ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

Борис Николаевич Зырянов,

Медицинская клиника «Дента-Смак», Омск, Россия

sdpzyryanov@mail.ru

Аннотация. Изучена распространённость предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ у пришлого и коренного населения Крайнего Севера. Выявлены особенности этих заболеваний у коренных и пришлых лиц, длительно проживающих в Арктике. Разработана новая классификация предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ для населения Крайнего Севера. Даны рекомендации.

Ключевые слова: предраковые заболевания, слизистая полости рта и губ, особенности, классификация, население, Крайний Север.

Цитирование: Зырянов Б.Н. Предраковые заболевания слизистой полости рта и губ у населения Крайнего Севера / Б.Н. Зырянов // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. № 3. (112). С.19-33. Doi:10.26110/ARCTIC.2021.112.3.002

Original article

PRECANCEROUS DISEASES OF THE ORAL MUCOSA AND LIPS IN THE POPULATION OF THE FAR NORTH

Boris N. Zyryanov,

Medical Clinic «Denta-Smak», Omsk, Russia

sdpzyryanov@mail.ru

Abstract. The prevalence of precancerous diseases of the oral mucosa and lips in the newcomers and indigenous population of the Far North has been studied. The features of these diseases have been identified in indigenous peoples and newcomers who have been living in the Arctic for a long time. A new classification of precancerous diseases of the oral mucosa and lips for the population of the Far North has been developed. Recommendations are given.

Key words: precancerous diseases, oral mucosa and lips, features, classification, population, Far North.

Citation: B.N. Zyryanov. Precancerous diseases of the oral mucosa and lips in the population of the Far North // Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. (112). № 3. P. 19-33. Doi: 10.26110/ARCTIC.2021.112.3.002

Актуальность темы

Необходимость регионального подхода к изучению стоматологической заболеваемости диктуется влиянием разнообразных факторов, отличающихся в различных регионах, в том числе и в различных регионах Крайнего Севера, что способствует формированию стоматологической патологии, характерной только для данной местности. Такой подход подтверждается исследованиями ряда ученых [1,2,3,4,5].

На Крайнем Севере заболевания, в том числе и стоматологические, протекают по-другому, применение обычных современных технологий лечения стоматологических заболеваний не всегда положительно отражается на качестве лечения, что связано с региональными особенностями течения этих заболеваний у населения в этих необычных суровых условиях, учитывая фактор адаптации населения к ним. Знание врачами-стоматологами особенностей региональной стоматологической патологии

даёт им возможность правильно учитывать особенности клиники стоматологических заболеваний и наиболее рационально проводить лечение этих заболеваний. Научные сведения по эпидемиологии стоматологических заболеваний дают возможность органам здравоохранения адекватно планировать специализированную помощь, выявлять неблагоприятные местные факторы среды обитания, влияющие на заболеваемость, предупреждать их воздействие на человека и тем самым обоснованно совершенствовать региональную стоматологическую помощь [5,6]. Предраковые заболевания слизистой оболочки полости рта и губ у населения различных регионов, не связанных с Крайним Севером, достаточно изучены [7,8,9,10,11,12]. Однако в условиях Крайнего Севера изучение предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ у коренного и пришлого населения не проводилось.

Цель исследования

Целью исследования явилось изучить распространённость предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ у коренного и пришлого населения Крайнего Севера, выявить их особенности и разработать классификацию этих заболеваний, учитывая эти особенности, что усовершенствует их раннюю диагностику, лечение и профилактику для различных групп населения в данном регионе.

Материалы и методы исследования

Особенности течения предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ у групп коренного и пришлого населения Крайнего Севера нами были изучены на модели Ямало-Ненецкого автономного округа. Общеизвестно, что в развитии предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ играют роль экзогенные и эндогенные факторы [7,8,9,10,11,12]. К экзогенным факторам относятся механические факторы, определяющие состояние зубного ряда (грубая пища, неправильно изготовленные зубные протезы, острые края зубов, пломб, аномалии прикуса и отдельных зубов), наличие вредных привычек, профессиональные вредности (железорудная, свинцовая, силикатная пыль и другие), хронические травмы. Другими экзогенными факторами являются физические раздражители (термические воздействия, ультрафиолетовые излучения, микроотки протезов из разнородных металлов и др.). Следующими экзогенными факторами являются химические раздражители (алкоголь, курение, производственные раздражители – щёлочи, кислоты и др.). Следует отметить, что к экзогенным факторам относятся метеофакторы (пыль, солнечные лучи, ветер, влажность) и биологические факторы (ряд микроорганизмов,

дрожжеподобные грибы, вирус). К эндогенным факторам относятся иммунитет, антиоксидантный уровень защиты организма, ряд заболеваний (анемия, диабет, болезни желудочно-кишечного тракта, ксеростомии, красная волчанка, псориаз), а также генетическая предрасположенность. Ведущими являются внешние причины, возможно и сочетанное действие внешних и внутренних факторов в возникновении предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ.

В регионах Крайнего Севера в связи с экстремальностью среды обитания могут оказывать влияние на возникновение и развитие предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ ещё факторы этого сурового региона [5,6]. В Ямало-Ненецком автономном округе отмечается высокая по сравнению с другими регионами распространенность стоматологической патологии [5,6,13]. Это обусловлено влиянием комплекса неблагоприятных медико-социальных и экологических факторов. К этим факторам относятся острый дефицит макро- (кальций и другие) и микроэлементов (селен, фтор, цинк, медь, марганец и другие) в питьевой воде и пище, длительное воздействие низких температур, тяжелый аэродинамический режим (частые и длительные сильные ветры), необычная светопериодичность, то есть неравномерная инсоляция: осенью и зимой существенный дефицит суммарной солнечной радиации (период полярной ночи), весной и летом избыток ее воздействия на организм человека (полярный день), резкий перепад атмосферного давления в течение суток, высокая магнитная активность и ее крайне резкое изменение, сокращённый вегетационный период [5,6]. Ямало-Ненецкий автономный округ является эндемичным регионом по дефициту селена (в 34 и более раз ниже оптимальных концентраций в воде). Отмечается относительный дефицит кислорода (за счёт поверхностного дыхания при низких температурах и сильных воздушных потоках – метель, пурга, шторм, длительное нахождение в помещении, гипокинезия, загрязнение болотными и промышленными газами) и абсолютный [5,6]. Отмечается открытое космическое (озоновые дыры) и открытое галактическое излучение (с 62-й параллели по 72-ю параллель северной широты) [14]. В питьевой воде Тюменского Севера отмечается крайне высокое содержание железа (в 50 и более раз выше предельно допустимой концентрации) [5]. Высокие концентрации железа также могут усиливать свободнорадикальное окисление. Преобладание привозных консервированных продуктов питания не способствует оптимальному усвоению необходимых веществ, что влечёт высокую степень сенсibilизации. На усвоение необходимых продуктов питания отрицательно влияет и высокая частота желудочно-кишечных заболеваний у населения округа. Стоматологам округа необходима также информация о наиболее распространенных заболеваниях других органов и систем организма человека в этом регионе. Так, в округе отмечается высокий уровень

заболеваний крови (анемии), гельминтозов, болезней органов дыхания, диабет. Немаловажным в усилении свободнорадикального окисления является фактор высокого космического и галактического излучения [14]. Все эти негативные факторы вызывают существенный рост свободнорадикального окисления – «окислительный стресс», отчего возникает повреждение антиоксидантной системы, резкое нарушение и снижение местного и системного иммунитета, что вызывает возникновение стойкого дизадаптационного синдрома у пришлого населения [15, 16, 17] и в итоге способствует возникновению и развитию стоматологических заболеваний, в том числе предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ. Стоматологическая патология в Ямало-Ненецком автономном округе обусловлена влиянием комплекса неблагоприятных факторов окружающей среды на организм человека, что влечет за собой особенности эпидемиологии и клиники этих заболеваний в данном регионе. Это может усилить влияние ряда негативных факторов Крайнего Севера на возникновение и развитие онкологических заболеваний в этом экстремальном регионе.

Нами в Ямало-Ненецком автономном округе на выявление предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ был обследован 1031 человек коренного и пришлого населения в возрасте 20 – 50 лет мужчин и женщин по карте комплексного стоматологического и социально-гигиенического обследования (ЦНИИС). Из них коренных жителей Крайнего Севера (ненцы, ханты, селькупы) было обследовано 255 человек, пришлых жителей, проживающих в округе 10 лет и более – 776 человек. Диагностика предраковых заболеваний проводилась по клиническим параметрам. Для уточнения диагностики в некоторых случаях использовались сберегающие, атравматичные цитологические методы: оральные смывы и мазки, отпечатки и перепечатки и окрашивались по Романовскому-Гимза. Материал помещался в камеру Горяева и исследовался под микроскопом «Биолан» (увеличение 680). Клинические исследования пациентов проводились в течение десяти лет с 2008 по 2017 год. Статистический анализ осуществлялся с использованием пакета программы «Statistica 8 for Windows». Определялась относительная величина (P) и её ошибка ($\pm m$) с оценкой значимости различий между сравниваемыми показателями по t-критерию Стьюдента. Критический уровень значимости (p) принимался равным 0,05 [18].

Результаты исследования и обсуждение

При анализе результатов обследования выявилось, что факультативные предраковые заболевания слизистой полости рта и губ у пришлого населения оказались у 89 человек (11,5 \pm 1,1%), а облигатные – у 32 человек (4,1 \pm 0,7%). У коренного населения факультативные предраковые

заболевания слизистой полости рта и губ были выявлены у 38 человек ($14,9 \pm 2,2\%$), а облигатные – у двух ненцев ($0,8 \pm 0,5\%$). Факультативные предраки слизистой полости рта и губ у коренного и пришлого населения практически не отличались ($p > 0,05$), а облигатные с высокой степенью озлокачествления были значительно выше у пришлого населения ($p < 0,001$). Анализ по отдельным нозологическим формам представлен в таблице. Из факультативных предраков слизистой полости рта следует отметить рост кератоакантомы у коренного населения по сравнению с пришлым ($p < 0,05$), а папилломы слизистой полости рта и губ были значительно выше у пришлого населения ($p < 0,01$), чем у коренного. Среди других факультативных предраков слизистой полости рта и губ кожный рог, хроническая рецидивирующая трещина губ с гиперкератодом и плоская форма лейкоплакии у коренного и пришлого населения не отличались ($p > 0,05$). Из облигатных предраковых заболеваний слизистой полости рта абразивный преинвазивный хейлит Манганотти был существенно выше у пришлых северян ($p < 0,01$), чем у коренного населения Крайнего Севера и равен соответственно: $2,4 \pm 0,5\%$ у пришлого населения и $0,4 \pm 0,4\%$ у коренных жителей этого региона. Эритроплакия и болезнь Боуэна выявлены только у пришлого населения Крайнего Севера. Ограниченный предраковый гиперкератоз красной каймы губ у коренного и пришлого населения встречались одинаково ($p > 0,05$).

Таблица 1. Предраковые заболевания слизистой оболочки полости рта (СОПР) и губ у коренного и пришлого населения Крайнего Севера Тюменской области (в абсолютных числах и в %, $P \pm m$)

№	Заболевание	Пришлое население. К-во обследованных, %	Коренное население. К-во обследованных, %	Показатель достоверности различий результатов (p)
ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ ПРЕДРАКОВЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ СОПР И ГУБ				
1.	Кожный рог (губы)	(10) $1,3 \pm 0,4\%$	(3) $1,2 \pm 0,6\%$	$p > 0,05$
2.	Кератоакантома (губы)	(6) $0,8 \pm 0,3\%$	(7) $2,5 \pm 0,9\%$	$p < 0,05$
3.	Хроническая рецидивирующая трещина губ с гиперкератозом	(20) $2,6 \pm 0,5\%$	(12) $4,7 \pm 1,3\%$	$P > 0,05$
4.	Папилломы СОПР и губ	(23) $3,0 \pm 0,6\%$	(2) $0,8 \pm 0,5\%$	$P < 0,01$
5.	Лейкоплакия (плоская форма)	(30) $3,9 \pm 0,7\%$	(14) $5,5 \pm 1,4\%$	$P > 0,05$

№	Заболевание	Пришлое население. К-во обследованных, %	Коренное население. К-во обследованных, %	Показатель достоверности различий результатов (p)
ПРЕДОБЛИГАТНЫЕ ПРЕДРАКОВЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ СОПР И ГУБ				
1	Лейкоплакия (эрозивная форма)	(27) 3,5±0,6%	(4) 1,6±0,7%	p<0,05
2.	Постлучевой хейлит	(10) 1,3±0,4%	--	--
3.	Красный плоский лишай (эрозивно-язвенная форма)	(27) 3,5±0,6%	(2) 0,8±0,5%	p<0,001
ОБЛИГАТНЫЕ ПРЕДРАКОВЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ СОПР И ГУБ				
1.	Абразивный преинвазивный хейлит Манганотти	(19) 2,4±0,5%	(1) 0,4±0,4%	p<0,01
2.	Эритроплакия	(6) 0,8±0,3%	---	--
3.	Болезнь Боуэна (дискератоз Боуэна)	(4) 0,5±0,2%	---	--
4.	Ограниченный предраковый гиперкератоз красной каймы губ	(3) 0,4±0,4%	(1) 0,4±0,4%	p>0,05
Итого:		(185) 23,8±1,5%	(46) 18,0±2,4%	p<0,05

Согласно известной классификации предраковые заболевания слизистой полости рта и губ делятся на факультативные и облигатные [7,8,9,10,11,19]. Факультативные предраки имеют малый процент малигнизации, а облигатные, наоборот, имеют высокий процент малигнизации. Следует отметить, что факультативные предраки озлокачиваются (переходят в рак) очень незначительно от 1% до 10%, а облигатные предраки переходят в рак от 70% до 100% [7, 8, 9, 10, 11, 19]. При клинических исследованиях нами были обнаружены такие нозологические формы предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ, которые ранее в известной классификации относились к факультативным предракам. Однако нами выявлено, что они имели выраженную малигнизацию (переход в рак) от 30% до 50% у населения Крайнего Севера. Среди таких форм с высокой малигнизацией нами выявлены у пришлое населения эрозивная форма лейкоплакии (3,5±0,6%), постлучевой хейлит (1,3±0,4%) и эрозивно-язвенная форма красного плоского лишая – 3,5±0,6%. У пришлое населения с высокой степенью малигнизации (до 50%) отмечались эрозивная форма лейкоплакии (1,6±0,7%) и эрозивно-язвенная

форма красного плоского лишая ($0,8 \pm 0,5\%$), что существенно выше, чем у коренного населения Крайнего Севера ($p < 0,05$ - $p < 0,001$). Возникает необходимость дополнить и расширить классификацию предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ новой группой – предоблигатной. Новое в этой классификации заключается в том, что идёт переход факультативных предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ в облигатные в связи с их высокой малигнизацией. Однако отнести их полностью к облигатным предраковым заболеваниям нельзя, а оставить их в классификации факультативных предраковых заболеваний нереально в связи с их более высокой степенью малигнизации по сравнению с факультативными предраками. Это требует исходя из клинических особенностей выделения новой группы предоблигатных предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ, которые занимают промежуточное положение между факультативными и облигатными предраковыми заболеваниями слизистой полости рта и губ. Одним из характерных признаков предоблигатных предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ является их достаточно высокая степень малигнизации - от 30% до 50%. Для практики врача-стоматолога это особенно важно в связи со своевременной постановкой диагноза и проведением ранней диагностики и эффективного лечения, а также диспансерным контролем. В наших исследованиях предоблигатных предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ у пришлого населения оказалось $8,2 \pm 1,0\%$, а у коренного населения – $2,3 \pm 0,9\%$, что свидетельствует о более высоком поражении данными предраковыми заболеваниями пришлого населения этой группы ($p < 0,001$), по сравнению с коренными жителями Крайнего Севера. В результате анализа предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ у различных групп населения Крайнего Севера оказалось, что, в итоге, у пришлого населения все факультативные, предоблигатные и облигатные предраковые заболевания вместе взятые были существенно выше ($p < 0,05$), чем у коренных жителей Крайнего Севера и равны соответственно: $23,8 \pm 1,5\%$ у пришлых жителей и $18,0 \pm 2,4\%$ у коренного населения этого региона.

Таким образом, на основании проведённых исследований следует заключить, что необходимо выделять среди предраковых заболеваний слизистой оболочки полости рта и губ у населения Крайнего Севера отдельно предоблигатную группу в связи с высокой степенью озлокачивания, то есть перехода в рак этих заболеваний. В этих исследованиях среди предоблигатных заболеваний слизистой полости рта и губ нами выявлены: эрозивная форма лейкоплакии, постлучевой хейлит и эрозивно-язвенная форма красного плоского лишая. Необходимы дальнейшие исследования по выявлению заболеваний этой группы, которая представляет более высокую группу риска озлокачивания по сравнению с факультативными предраковыми заболеваниями слизистой полости рта и губ.

Обращает на себя внимание тактика ранней диагностики и лечения предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ в условиях Крайнего Севера как у коренного, так и у пришлого населения. Независимо от этнической принадлежности различных групп населения Крайнего Севера особенности клинического течения предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ заключаются в их более быстрой малигнизации облигатных предраков и в более высоком проценте малигнизации ряда факультативных предраков (например, эрозивная форма лейкоплакии слизистой полости рта достигает 50% малигнизации в течение двух лет). Меняется соотношение факультативных и облигатных предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ, где доля облигатных предраковых заболеваний растёт. Это, по-видимому, объясняется ещё и тем, что в комплексе канцерогенных факторов, фактор низких температур является наиболее выраженным в этой экстремальной среде, а также, вероятно, влияет сильный стрессовый экологический и психоземotionalный фактор. Увеличение сроков заживления эрозивно-язвенных поражений предраков слизистой оболочки полости рта у коренного и пришлого населения Крайнего Севера требуют иных подходов к их лечению в отличие от лечения этих заболеваний в средних широтах. При различных эрозивно-язвенных поражениях предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ у различных групп населения Крайнего Севера нами рекомендуется включать помимо общепринятого комплекса лечения обязательно противовирусные препараты внутрь и местно [6,13]. Это объясняется высокой обсеменённостью вирусной инфекцией эрозивно-язвенных поражений предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ у населения Крайнего Севера. Поэтому вполне обоснованно и целесообразно комплексное применение (местно и внутрь) противовирусных препаратов при различных эрозивно-язвенных поражениях предраков слизистой полости рта и губ у населения Крайнего Севера, что подтверждается высоким лечебным эффектом у них [13]. Противовирусные препараты необходимо также включать при лечении не только предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ, а и при других эрозивно-язвенных поражениях органов и тканей полости рта (многоформная экссудативная эритема, гингивостоматит Венсана, стоматит Сеттона и другие), что повысит качество лечения. Кроме этого рекомендуется включать в лечение предраков слизистой полости рта и губ для населения Крайнего Севера иммунокорректоры и антиоксиданты [6,13]. С этой целью в условиях Крайнего Севера населению при диагностике и лечении предраковых заболеваний слизистой оболочки полости рта и губ помимо стоматолога необходимо комплексное обследование у эндокринолога, иммунолога, гематолога, терапевта и других специалистов. Метеохейлиты и актинические хейлиты как факультативные предраки нами не рассматривались в связи с их лёгкой клинической формой.

Отдельно необходимо остановиться на ранней диагностике (донозологической диагностике – диагностике предболезни) предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ. С этой целью рекомендуется широко применять новый инновационный метод ранней диагностики этих заболеваний – онкоскрининг [20,21], что необходимо для проявления повышенной настороженности в отношении этих заболеваний.

Заключение

Таким образом, у пришлого населения, длительно проживающего на Крайнем Севере (10 и более лет), и у коренного населения отмечаются следующие особенности предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ:

1. Кроме известных популярных факторов риска возникновения и развития предраковых заболеваний и их малигнизации значимо играет роль фактор экстремальности климата Крайнего Севера (низкие температуры, сильные ветры, необычная инсоляция, высокая магнитная активность и их резкие перепады и др.).

2. Предраковые заболевания слизистой полости рта и губ у пришлого населения Крайнего Севера существенно выше, чем у коренных жителей этого региона.

3. Растут облигатные предраки слизистой полости рта и губ.

4. Быстрее наступает малигнизация предраков, чем в комфортных зонах (средняя полоса).

5. Для ранней диагностики (диагностики предболезни) предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ рекомендуется применять новую инновационную технологию – онкоскрининг [20,21].

6. Ряд факультативных предраков слизистой полости рта и губ имеет тенденцию к росту озлокачествления и по степени малигнизации приближается к облигатным. Существует необходимость выделения таких факультативных предраковых заболеваний слизистой оболочки полости рта и губ в отдельную группу – предоблигатную.

Следовательно, в регионе Крайнего Севера проведённые нами исследования диктуют необходимость выделения не только факультативных и облигатных предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ, но и промежуточных форм этих предраков, которые необходимо отнести к предоблигатным формам предраковых заболеваний, так как по степени малигнизации и более реактивным проявлениям эти заболевания нельзя отнести к факультативным предраковым заболеваниям. В прежней классификации эти предраковые заболевания слизистой полости рта и губ относились к факультативным, а в регионе Крайнего Севера их малигнизация растёт и приближается к облигатным предраковым заболеваниям

полости рта и губ. На основании проведённых нами исследований рекомендуется дополнить и выделить группу предоблигатных предраковых заболеваний слизистой полости рта и губ и предложить новую классификацию:

а) факультативные предраковые заболевания слизистой полости рта и губ;

б) предоблигатные предраковые заболевания слизистой полости рта и губ;

в) облигатные предраковые заболевания слизистой полости рта и губ.

Новая классификация даст возможность врачам-стоматологам, проявляя высокую настороженность, своевременно выявлять предоблигатные предраковые заболевания слизистой полости и губ и оказывать эффективную лечебно-профилактическую помощь.

Особенность регионов Крайнего Севера ведёт к снижению эффективности известных современных лечебных стандартов и требует разработки адаптированных к условиям Крайнего Севера технологий лечения стоматологических заболеваний, то есть разработки региональных северных стандартов лечения стоматологических заболеваний у коренного и мигрирующего населения Крайнего Севера [6]. Таким образом, разработка системы адаптированных к условиям Крайнего Севера новых технологий лечения стоматологических заболеваний, в том числе предраковых заболеваний слизистой оболочки полости рта и губ должна учитывать компенсаторно-приспособительные механизмы коренного и пришлого населения к суровым условиям Крайнего Севера. Учёт этих особенностей при лечении стоматологических заболеваний существенно улучшит специализированную стоматологическую помощь в экстремальных условиях Крайнего Севера. Всё это будет способствовать развитию северной стоматологии [6]. Данное направление северной стоматологии настоятельно рекомендуется развивать и проводить дальнейшую коррекцию с учётом меняющихся экологических, социальных и экономических условий, связанных с нарастающими динамическими процессами интенсивного освоения важных в народнохозяйственном отношении регионов Крайнего Севера [6, 22].

Список источников

1. Рыбаков А.И. Влияние климатогеографических факторов Заполярья на стоматологическую заболеваемость коренного и пришлого детского населения / А.И. Рыбаков, А.В. Алимский // Особенности патологии коренного и пришлого населения в условиях Крайнего Севера, 15–17 июня 1981 г., Красноярск : тез. докл. – Красноярск. 1981. – С. 48–49.
2. Леонтьев В.К. О координации научных исследований по стоматологии в Сибири и на Дальнем Востоке / В.К. Леонтьев // Организация стоматологиче-

- ской помощи и вопросы ортопедической стоматологии : тез. докл. VIII Все-союзн. съезда стоматологов, Волгоград, 30 сентября – 2 октября 1987 г. – М., 1987. – Т. 1. – С. 52–55.
3. Терапевтическая стоматология: учебник / Е.В. Боровский [и др.]. – М.: МИА, 2011. – 798 с.
 4. Зырянов Б.Н. Концепция развития стоматологической помощи в Тюменской области / Б.Н. Зырянов // Экономика и менеджмент в стоматологии. – 2008. – № 3. – С. 16–20.
 5. Зырянов Б.Н. Концепция патогенеза кариеса зубов у населения Крайнего Севера / Б.Н. Зырянов // Маэстро стоматологии. – № 3. – 2012. – С. 26–31.
 6. Зырянов Б.Н. Особенности лечения стоматологических заболеваний у коренного и пришлого населения Крайнего Севера Тюменской области / Б.Н. Зырянов // метод. рекомендации. – Омск, 2015. – 42 с.
 7. Ксембаев С.С. Предраки слизистой оболочки полости рта, красной каймы губ и кожи лица / С.С. Ксембаев, О.В. Нестеров. – Казань, 2011. – 110 с.
 8. Мирсаева Ф.З. Предраковые заболевания и злокачественные опухоли челюстно-лицевой области / Ф.З. Мирсаева, Т.Ф. Ахметов, Э.И. Галиева // Учебное пособие. – Уфа, 2003. – 293 с.
 9. Некоторые аспекты онкостоматологии / П.И. Ивасенко [и др.] // метод. рекомендации. – Омск, 2001. – 32 с.
 10. Пачес А.И. Опухоли головы и шеи. – М., 1997. – 479 с.
 11. Цветкова-Аксамит Л.А. Заболевание слизистой оболочки губ / Л.А. Цветкова-Аксамит [и др.] // учебное пособие. – М., МЕДпресс-информ, 2009. – 208 с.
 12. Ямашев И.Г. Клиническая лингвология / И.Г. Ямашев. – М., ГОЭТАР, 2007. – 288 с.
 13. Зырянов Б.Н. Особенности лечения стоматологических заболеваний у коренного и пришлого населения Крайнего Севера / Б.Н. Зырянов // Маэстро стоматологии. – 2008. – № 3. – С. 86–88.
 14. Агаджанян Н.А. Экология человека / Н.А. Агаджанян, В.И. Торшин // избранные лекции. – М.: КРУК, 1994. – 256 с.
 15. Хаснулин В.И. Введение в полярную медицину / В.И. Хаснулин. – Новосибирск, 1998. – 337 с.
 16. Mannervick V. The enzymes of glutathione metabolism : an overview / V. Mannervick // Biochem. Soc. Trans. – 1987. – Vol. 15, N 4. – P. 717–718.
 17. Wajner M. Distribution of xanthine and rabbit tissues / M. Wajner, S.D. Harkness // Biochem. Biophys. Acta. – 1989. – Vol. 991. – P. 79–84.
 18. Зайцев В.М. Прикладная медицинская статистика: учебное пособие / В.М. Зайцев, В.Г. Лифляндский, В.И. Маринкин. – Санкт-Петербург: Фолиант, 2003. – 423 с.
 19. Дунаевский В.А. Предраковые заболевания и злокачественные опухоли слизистой оболочки полости рта / В.А. Дунаевский, Ю.А. Шеломенцев. – Л., 1986. – 184 с.
 20. Садовский В.В., Садовский Д.В. Скрининг и мониторинг рака и предраков полости рта в клиническом и маркетинговом аспектах / В.В. Садовский, Д.В. Садовский // Маэстро стоматологии. – № 3. – 2010. – С. 30–35.

21. Бурда Г.К. Онкоскрининг как метод ранней диагностики предраковых заболеваний полости рта / Г.К. Бурда, Ю.А. Шухорова // *Маэстро стоматологии*. – 2012. – № 2. – С. 20–22.
22. Зырянов Б.Н. Стратегия развития научных исследований по стоматологии на Тюменском Севере / Б.Н. Зырянов // *Международный полярный год: достижения и перспективы развития циркумполярной медицины: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой III Международному Полярному году*. – Архангельск, 2009. – С. 117–122.

References

1. Rybakov A.I. The influence of climatogeographic factors of the Polar region on the dental morbidity of the indigenous and immigrant children / A.I. Rybakov, A.V. Alimsky // *Features of the pathology of the indigenous population and newcomers in the conditions of the Far North, June 15-17, 1981, Krasnoyarsk: report abstracts - Krasnoyarsk, 1981*. - P. 48-49.
2. Leontyev V.K. Coordination of scientific research on dentistry in Siberia and the Far East / V.K. Leontyev // *Organization of dental care and questions of orthopedic dentistry: report abstracts, VIII All-Union congress of dentists, Volgograd, September 30 - October 2, 1987 - Moscow, 1987*. - Vol. 1. - P. 52-55.
3. *Therapeutic dentistry: textbook* / E.V. Borovsky [et al.]. - Moscow: MIA, 2011. - 798 p.
4. Zyryanov B.N. Concept of development of dental care in the Tyumen region / B.N. Zyryanov // *Economy and management in dentistry*. - 2008. - № 3. - P. 16-20.
5. Zyryanov B.N. Concept of pathogenesis of dental caries among the population of the Far North / B.N. Zyryanov // *Maestro of Dentistry*. - № 3. - 2012. - P. 26-31.
6. Zyryanov B.N. Features of the treatment of dental diseases in the indigenous population and newcomers of the Far North of the Tyumen region / B.N. Zyryanov // *guidelines - Omsk, 2015*. - 42 p.
7. Ksembaev S.S. Precancerous diseases of the oral mucosa, red border of lips and facial skin / S.S. Ksembaev, O.V. Nesterov. - Kazan, 2011. - 110 p.
8. Mirsaeva F.Z. Precancerous diseases and malignant tumors of the maxillofacial area / F.Z. Misseeva, T.F Akhmetov, E.I. Galiyeva // *Tutorial*. - Ufa, 2003. - 293 p.
9. Some aspects of oncological dentistry / P.I. Ivasenko [et al.] // *guidelines*. - Omsk, 2001. - 32 p.
10. Paches A.I. *Tumors of head and neck*. - Moscow, 1997. - 479 p.
11. Tsvetkova-Aksamit L.A. Disease of the mucous membrane of lips / L.A. Tsvetkova-Aksamit [et al.] // *Tutorial*. - Moscow, MEDpress-Inform, 2009. - 208 p.
12. Yamashev I.G. *Clinical linguology* / I.G. Yamashev. - Moscow, GOETAR, 2007. - 288 p.
13. Zyryanov B.N. Features of the treatment of dental diseases in the indigenous population and newcomers of the Far North / B.N. Zyryanov // *Maestro of Dentistry*. - 2008. - № 3. - P. 86-88.
14. Agadzhanyan N.A. *Human Ecology* / N.A. Agadzhanyan, V.I. Torshin // *Selected Lectures*. - Moscow: KRUK, 1994. - 256 p.
15. Hasnulin V.I. *Introduction to Polar Medicine* / V.I. Hasnulin. - Novosibirsk, 1998. - 337 p.

16. Mannervick B. The enzymes of glutathione metabolism: an overview / B. Mannervick // Biochem. Soc. Trans. – 1987. – Vol. 15, № 4. – P. 717-718.
17. Wajner M. Distribution of xanthine and rabbit tissues / M. Wajner, S.D. Harkness // Biochem. Biophys. Acta. – 1989. – Vol. 991. – P. 79-84.
18. Zaitsev V.M. Applied Medical Statistics / V.M. Zaitsev, V.G. Lifyandsky, V.I. Marinkin // Tutorial. – St. Petersburg: Foliant, 2003. – 423 p.
19. Dunaevsky V.A. Precancerous diseases and malignant tumors of the oral mucosa / V.A. Dunaevsky, Yu.A. Shelomentsev. – Leningrad, 1986. – 184 p.
20. Sadovsky V.V., Sadovsky D.V. Screening and monitoring of cancer and the precancerous diseases of the oral cavity in clinical and marketing aspects / V.V. Sadovsky, D.V. Sadovsky // Maestro of Dentistry. – №. 3. – 2010. – P. 30-35.
21. Burda G.K. Cancer screening as a method of early diagnosis of precancerous diseases of the oral cavity / G.K. Burda, Yu.A. Shukhorova // Maestro of Dentistry. – 2012. – № 2. – P. 20-22.
22. Zyryanov B.N. Strategy for the development of scientific research on dentistry in the Tyumen North / B.N. Zyryanov // International Polar Year: Achievements and Prospects for the Development of Circumpolar Medicine: Materials of the All- Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, dedicated to the III International Polar Year. – Arkhangelsk, 2009. – P. 117-122.

Сведения об авторе

Борис Николаевич Зырянов родился в 1942 году. В 1966 году окончил стоматологический факультет Омского государственного медицинского института. С 1978 по 1987 год он работал на кафедре социальной гигиены и организации здравоохранения. С 1987 г. по 2017 г. он работал на кафедре стоматологии последипломного образования Омского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации. В 1981 году защитил кандидатскую, а в 1998 году – докторскую диссертацию. Доктор медицинских наук, профессор, действительный член (академик) Академии Полярной Медицины и Экстремальной Экологии Человека. Окончил курсы сотрудничающего Центра Всемирной организации здравоохранения по стоматологическому образованию. Место работы – медицинская клиника «Дента–Смак» (Омск, Россия). Область научных интересов: стоматология, Арктика, северная медицина, иммунология, онкология, биохимия, экология, общественное здоровье, организация здравоохранения, адаптация к Полярным регионам, педагогика.

Information about the author

Boris Nikolaevich Zyryanov, born in 1942, graduated from Dentistry Faculty of the Omsk State Medical Institute in 1966. From 1978 to 1987 he worked at the

Department of Social Hygiene and Organization of Public Health. From 1987 to 2017 he worked at the Department of Dentistry of Postgraduate Education at the Omsk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation. He defended his thesis in 1981 and his doctoral dissertation in 1998. Doctor of Medical Sciences, Professor, Full Member (Academician) of the Academy of Polar Medicine and Extreme Human Ecology. He completed the course at World Health Organization Collaborating Center for Dental Education. He works at Medical Clinic “Denta-Smak” (Omsk, Russia). Research interests: dentistry, Arctic, Northern medicine, immunology, biochemistry, ecology, public health, healthcare organization, adaptation to the Polar Regions, pedagogy.

Статья поступила в редакцию 21.06.2021г., принята к публикации 01.09.2021 г.

The article was submitted on June 21, 2021, accepted for publication on September 1, 2021.

Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. № 3. (112). С. 34-45.
Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. № 3. (112). P. 34-45.

ЧЕЛОВЕК В АРКТИКЕ

Научная статья

УДК 159.9.07

doi: 10.26110/ARCTIC.2021.112.3.003

ОБЗОР НАУЧНЫХ РАБОТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ВЛИЯНИЯ ПОЛЯРНОЙ НОЧИ НА ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ КРАЙНЕГО СЕВЕРА РОССИИ

Вадим Викторович Пономарев,

Научный центр изучения Арктики, Салехард, Россия

vvp2014@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются научные работы, в которых изучается влияние условий Крайнего Севера на здоровье населения России. В качестве наукометрической базы взят Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Отмечается, что количество работ, рассматривающих соматические изменения, значительно превышает количество исследований психологического здоровья. Отмечается явное превалирование исследований вахтовых работников над изучением психологического здоровья постоянного населения Заполярья. Делается вывод о необходимости дополнительно изучать влияние полярной ночи на психологическое здоровье населения Крайнего Севера России.

Ключевые слова: Крайний Север, медицина, психология, полярная ночь.

Цитирование: Пономарев В.В. Обзор научных работ по изучению влияния полярной ночи на здоровье населения Крайнего Севера России/ Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. № 3. (112). С. 34-45. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.112.3.003

Original article

REVIEW OF SCIENTIFIC WORKS ON THE STUDY OF THE INFLUENCE OF THE POLAR NIGHT ON THE HEALTH OF THE POPULATION OF THE RUSSIAN FAR NORTH

Vadim V. Ponomarev,

Arctic Research Center, Salekhard, Russia

vvp2014@bk.ru

Abstract. The article discusses scientific works that study the influence of the conditions of the Far North on the health of the population of Russia. The Russian Science Citation Index (RSCI) is taken as a scientometric base. It is noted that the number of studies considering somatic changes significantly exceeds the number of psychological health studies. There is a clear predominance of research on shift workers over the study of the psychological health of the resident population of the Arctic region. It is concluded that it is necessary to further study the influence of the polar night on the psychological health of the population of the Russian Far North.

Keywords: Far North, medicine, psychology, polar night

Citation: V.V. Ponomarev. Review of scientific works on the study of the influence of the polar night on the health of the population of the Russian Far North / Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. (112). No. 3. С. 34-45. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.112.3.003

Введение

Стратегия развития России предполагает создание на Крайнем Севере, в Арктике, в ближайшие 15 лет 200 тыс. новых рабочих мест в дополнение к тем двум миллионам жителей, которые уже живут в российском Заполярье [1]. Причем, жить и работать большинство этих людей будут в самой «жесткой» с точки зрения природно-климатических условий части Арктики – на полуостровах Ямал, Гыдан (Ямало-Ненецкий автономный округ) и Таймыр (север Красноярского края).

Успех этого «продвижения на Север» зависит не только от того, сколько денег будет вложено в оборудование и строительство инфраструктуры, но и от того, насколько быстро человек европеоидного типа адаптируется

к природно-климатическим условиям Заполярья. Эти условия представляют из себя комплекс факторов (высокая радиация, неустойчивость магнитного поля, продолжительный холод, крайняя неравномерность солнечной инсоляции (полярная ночь и полярный день), гиповитаминоз, недостаток кислорода и т.д.), которые крайне негативно влияют на психическое и физическое здоровье человека. На Крайнем Севере, как подчеркивает С.И. Квашнина [2], организм «изнашивается» вдвое быстрее, чем в условиях пребывания в средней полосе.

Одним из наиболее явных стресс-факторов является полярная ночь – период, когда солнце за широтой Северного полярного круга – 66,56 градусов с.ш. практически не встает из-за горизонта. В эту зону попадают такие крупные (по северным меркам) города как российские Мурманск, Апатиты, Канда拉克ша, Североморск, Воркута, Нарьян-Мар, Салехард, Норильск, Певек и норвежский Тромсё.

Более 4 месяцев (с конца октября по начало марта) в этих городах царит холод и темнота. Люди встают в темноте, работают в темноте, идут домой тоже в темноте. В подобных природно-климатических условиях у человека резко снижается выработка серотонина, что приводит к ухудшению работоспособности и аппетита, ускоряется выработка мелатонина (что приводит к снижению интеллектуальной, эмоциональной и физической активности), практически не усваивается витамин D и т.д. Поскольку на улице холодно (большую часть полярной ночи в центральной и азиатской части Крайнего Севера России температура находится ниже -35 градусов Цельсия), люди вынуждены постоянно находиться в закрытых помещениях и в окружении небольшой группы коллег или домочадцев. В этих условиях у человека возникает так называемый «синдром полярной ночи», или по другому говоря «синдром полярного напряжения», который вызывает не только соматические, но и психические расстройства.

Цель исследования – определить степень изученности в научных работах российских исследователей влияния полярной ночи на здоровье населения Крайнего Севера России.

Материалы и методы исследования

Для проведения исследования была задействована база русскоязычных научных публикаций, входящих в Российский Индекс Научного Цитирования (РИНЦ), размещенных на платформе Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU. Поиск осуществлялся последовательно по ключевым словам «Крайний Север, медицина, психология, полярная ночь». Для анализа была задействована максимальная группа публикаций, содержащая в себе устойчивое словосочетание «КРАЙНИЙ СЕВЕР» – 1611. Выбор этого ключевого словосочетания обусловлен тем, что

на другие поисковые группы типа «ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА, КРАЙНИЙ СЕВЕР», «КРАЙНИЙ СЕВЕРО-ВОСТОК» и др. пришлось незначительное (от 1 до 17) число публикаций.

Согласно определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), «здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов». Данное определение зафиксировано в преамбуле Устава ВОЗ [3].

Исходя из этого определения дальнейшая выборка источников информации для данного исследования осуществлялась по двум тематическим группам. Первая – медицина и здравоохранение (благополучие физическое, по определению ВОЗ). Вторая – психология (благополучие душевное). Поиск источников по тематической группе социальное благополучие и их анализ не производился, поскольку включение данного фактора в исследование привело бы к неоправданному увеличению объема как самого исследования, так и данной статьи. Поиск по ключевому словосочетанию «полярная ночь» осуществлялся как в обеих тематических группах, так и в целом на платформе eLIBRARY.RU.

Следует также отметить, что часть проанализированных источников индексируется не только в РИНЦ, но и в международных наукометрических базах данных Scopus и Web of Science.

Статистика материалов приведена по состоянию на 25.06.2021 г.

Результаты исследования и обсуждение

Обзор научных работ по изучению влияния условий Крайнего Севера на соматическое здоровье населения России

В базе данных РИНЦ содержится 370 публикаций по теме медицина и здравоохранение применительно к Крайнему Северу России. Это 22% от общего объема публикаций РИНЦ, посвященных исследованиям в этом макрорегионе планеты. Наиболее ранние из них относятся к периоду 70-80-х годов прошлого века [4], наиболее поздние – к первому полугодю 2021 года [5]. 70% публикаций не старше 10 лет, что можно объяснить как возрастом самого РИНЦ (этот проект Научная электронная библиотека разрабатывает с 2005 года), так и повышением с начала прошлого десятилетия общего интереса к Арктике и происходящим здесь процессам.

Советская научная школа, безусловно, внесла огромный вклад в изучение стресс-факторов на человеческий организм в северных широтах и выработку научных рекомендаций по его успешной адаптации к этим экстремальным природно-климатическим условиям. В первую очередь, это относится к Сибирскому отделению Академии медицинских наук СССР (ныне - СО Российской академии медицинских наук) [4].

XXI век породил новую волну исследований состояния человека в Арктике. Зырянов Б.Н. и Соколова Т.Ф., исследовав группу северян в возрасте 35-44 лет и сравнив их с контрольной группой, живущей в более комфортных природных условиях в городе Омске, пришли к выводу, что срыв механизмов адаптации ведущих функциональных систем организма с развитием реакций хронического стресса регистрируется у 75% пришлого населения Крайнего Севера. При этом прослеживаются выраженные различия между изучаемыми показателями у мигрантов Крайнего Севера и группы лиц средней полосы Западной Сибири, у которой преобладает общий вес благоприятных реакций [6].

Терещенко П.С. и Петров В.Н. сравнили заболеваемость населения муниципальных образований за Полярным кругом – г. Апатиты и г. Кировска, Мурманской области (67°33' с.ш., 33°24' в.д. и 67°36' с.ш., 33°40' в.д., соответственно) и средней полосы России – г. Серпухова, Московской области (54°54' с.ш., 37°24' в.д.). Выяснилось [7], что заболеваемость взрослого населения Кировско-Апатитского района по болезням кровообращения выше, чем в средней полосе России в 1,3–1,6 раза, болезням костно-мышечной системы – в 2,5–2,6 раза, болезням глаза и его придаточного аппарата – в 2,7–2,0 раза, болезням мочеполовой системы – в 2,6–2,4 раза, болезням органов пищеварения – в 1,5 раза.

Значительная часть исследований посвящена одному из самых настоящих недугов современной цивилизации – артериальной гипертензии (АГ). Авторский коллектив во главе с Ветошкиным А.С. [8] сравнил результаты обследований двух групп мужчин с АГ второй степени. Одна группа работает вахтой в Заполярье. Другая – контрольная, живет в умеренной климатической зоне в Тюмени. Исследования показали, что в условиях северной вахты суточные ритмы частоты сердечных сокращений и артериального давления у больных АГ выражено отличались от больных Тюмени независимо от сезона и характеризовались признаками внутреннего десинхронизма ритмов АД и ЧСС.

Около 10% всех публикаций касается исследований состояния военнослужащих, проходящих службу в Заполярье. Результаты этих исследований практически совпадают с данными обследований пришлого гражданского населения Крайнего Севера. Так, в исследованиях Аганова Д.С. [9] выявлено значимое отклонение показателей уровня витамина D и минеральной плотности костной ткани от нормальных значений у военнослужащих, проходящих службу на Крайнем Севере.

Таким образом, тема изучения влияния условий Крайнего Севера на соматическое здоровье населения России пользуется устойчивым интересом у российских исследователей на протяжении длительного времени [10]. Но при этом они, во-первых, практически не выделяют, за редким исключением [8], полярную ночь в качестве отдельного стресс-фактора

для человеческого организма, предпочитая концентрироваться на всем комплексе неблагоприятных природно-климатических условий этой местности. Во-вторых, концентрируются преимущественно на соматических проявлениях пребывания человека в условиях Крайнего Севера.

Обзор научных работ по изучению влияния условий Крайнего Севера на психологическое здоровье населения России

Научных работ по теме психология применительно к Крайнему Северу России в базе данных РИНЦ содержится в 7 раз меньше, чем по теме медицина и здравоохранение – 53 против 370. Обращает на себя внимание также низкий показатель их цитируемости – 84. Причем, почти половина из них – 39, приходится на учебное пособие, выпущенное в 2014 году Минобрнауки РФ и Северным (Арктическим) федеральным университетом по адаптации персонала к работе вахтовым методом в экстремальных условиях Крайнего Севера [11].

В этом, возможно, заключается специфика современного этапа исследований влияния Крайнего Севера на психологическое здоровье населения. В 30-90-е годы прошлого века в СССР была принята концепция заселения арктических территорий, то есть создания на Крайнем Севере городов с постоянным населением. Поэтому исследованиям психологических феноменов типа синдрома полярного напряжения [12] уделялось такое же внимание, что и соматическим исследованиям. И их результаты хорошо известны. Так, Хуснуллин В.И. [13] в конце прошлого века отмечал, что у 32,5% обследованных, постоянно живущих на русском Севере, уровень психоэмоционального напряжения превышал норму в 1,5 раза, а у 31,2% он был в 4-5 раз выше нормы.

За прошедшие 30 лет парадигма дальнейшего присутствия в Арктике российского государства поменялась. Стратегия заселения Крайнего Севера сменилась стратегией вахтового освоения этой территории. В результате, по данным Даниловой Е.В., с начала 90-х годов прошлого века по 2019 год постоянное население Арктической зоны Российской Федерации сократилось на 1196 тыс. человек [14]. Зато неуклонно увеличивается количество вахтового персонала, работающего в Заполярье. Этот процесс, очевидно, неостановим, поскольку представители современной российской власти неоднократно заявляли о том, что новых городов в Заполярье строиться не будет, а будут создаваться только вахтовые поселки для производственных нужд [15].

Этот социально-экономический процесс, очевидно, напрямую отражается на объеме и тематике современных научных публикаций по теме исследований психологического здоровья населения на Крайнем Севере России. Из 53 публикаций по этой теме в РИНЦ, найденных по запросу

«Крайний Север психология», 36 (то есть 68% от их общего количества) были посвящены проблемам психологического сопровождения вахтовых работников на Крайнем Севере [16].

Это означает, что фокус внимания современных исследователей явно сместился с изучения процессов психологической адаптации постоянного населения Заполярья к неблагоприятным условиям Крайнего Севера на процесс психологического сопровождения вахтового метода экономики.

Безусловно, это очень важный процесс. Однако нельзя не отметить, что при вахтовом методе работы человек пребывает в условиях Крайнего Севера значительно меньше и дискретно, нежели постоянные жители Заполярья. Поэтому изучение воздействия на него стресс-факторов объективно затруднено и не дает целостной картины. Целостную картину психологического здоровья можно получить, только исследуя длительное пребывание коренного и пришлого населения в условиях Заполярья. В том числе в условиях полярной ночи, когда организм человека испытывает продолжительный дефицит солнечного света и тепла.

Исследования влияния этого феномена упомянуты в 6 работах из 53, которые выдал поисковик РИНЦ по теме психология. Все они касаются изучения постоянного (пришлого и коренного) населения Заполярья. Правда, у современных исследователей нет единого мнения. Еникеев А.В. [17], например, обследовав медицинскими способами 50 детей 12-13 лет на Кольском полуострове, пришел к выводу о том, что полярная ночь не является наиболее неблагоприятным периодом года для детей в условиях Кольского Заполярья. Однако Цесарская Е.Н. [18], проведя обследование 64 студентов, живущих в том же месте, заявила о том, что гипокинезия, вынужденно возникающая в условиях полярной ночи, сказывается не только на показателях функционирования сердечно-сосудистой системы, но и на показателях, характеризующих умственную работоспособность (показатели развития уровня внимания и памяти). Сороко С.И. [19], в свою очередь, обследовав школьников как младшей, так и старшей возрастных групп, живущих в Заполярье на острове Новая Земля (этот остров находится в 900 км северо-восточнее Кольского полуострова), убедилась в том, что спектральная мощность бета-, альфа- и тета-ритмов детей в период полярной ночи превышает таковые в период полярного дня практически по всем отведениям электроэнцефалограммы. В 2020 году также было опубликовано исследование Капцова В.А. и Дейнего В.Н. [20] о влиянии искусственного освещения в условиях Арктики. По мнению авторов, в условиях полярной ночи, когда люди находятся долгое время в замкнутых пространствах без естественного освещения, адекватность искусственного освещения является важнейшим условием снижения риска развития патогенных состояний.

При этом степень разработанности этой темы по-прежнему уступает масштабу ее распространения. По мнению зарубежных авторов, таких как Lewy A.J. [21], «из внешних факторов, запускающих биоритмы человека, важнейшим считается свет и, в первую очередь, природная освещенность». Углубленное изучение этого феномена – полярной ночи, существенно обогатит научное знание о психологическом здоровье человека.

Заключение

Анализ научных публикаций российских исследователей в базе данных РИНЦ позволяет утверждать, что вопросы, связанные с изучением влияния полярной ночи на психологическое здоровье населения Крайнего Севера России, изучены не в полной степени.

Из 1611 публикаций, найденных в базе данных РИНЦ по ключевому слову КРАЙНИЙ СЕВЕР, только 53 были посвящены исследованиям в области психологии и психологического здоровья человека на Крайнем Севере. При этом львиная доля публикаций (почти 70%) касалась исследований не постоянно проживающих в этой местности жителей, а вахтового персонала производственных предприятий. При этом влиянию одного из самых болезненных стресс-факторов – полярной ночи, было посвящено всего шесть публикаций.

Кроме того, наблюдается явный перекоп в географии исследований. Российское Заполярье состоит из двух частей, которые разделяются отрогами Уральского хребта - западной и восточной. Западная - это теплая часть, где из-за влияния Гольфстрима среднезимние температуры редко превышают 15-20 градусов мороза. Она включает в себя Мурманскую и частично Архангельскую области с Ненецким автономным округом, часть республики Карелия. Здесь живет две трети населения российской части Арктики.

Восточная – это холодная часть российского Крайнего Севера, где полярная ночь сочетается с морозом 30-40 градусов и силой ветра 20-25 метров в секунду (9 баллов по шкале Бофорта). На этой территории, которая занимает 70% российской части Арктики, располагается Ямало-Ненецкий автономный округ, Таймыр, север Якутии, Чукотка.

В силу объективных факторов (большая обжитость территории и наличие там или поблизости крупных исследовательских центров, таких как Северный (Арктический) федеральный университет, Мурманский арктический государственный университет, Военно-медицинская академия и СПбГУ в Санкт-Петербурге) большая часть научных публикаций касается западной части Крайнего Севера России. Однако основной ресурсный центр России (газ, нефть, уголь и другие полезные ископаемые) располагается в восточной части Заполярья. И там же располага-

ются города Салехард, Новый Уренгой, Надым, численность населения в которых в постсоветское время не только не упала, как в западной части российской Арктики, но даже выросла. Поэтому тема изучения влияния полярной ночи на психологическое здоровье населения Крайнего Севера России, особенно живущего в восточной его части, еще ждет своего исследователя.

Список источников

1. Дуэль. А. Арктическая экономика даст России 200 тысяч новых рабочих мест [Электронный ресурс] // Российская газета. 2020. <https://rg.ru/2020/11/25/reg-dfo/arkticheskaja-ekonomika-dast-rossii-200-tysiach-novyh-rabochih-mest.html> (дата обращения: 15.04.2021 г.)
2. Квашнина С.И. Здоровье населения на Севере России: (Соц.-гигиен. и экол. проблемы)/ Ухт. гос. техн. ун-т. – Ухта, 2001 (ООП УГТУ). – 259 с.
3. Преамбула к Уставу (Конституции) Всемирной организации здравоохранения/ Электронный ресурс <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%8C%D0%B5> (дата обращения 25.06.2021 г.).
4. Ким Л.Б., Окунева Г.Н., Егунова М.М., Куликов В.Ю. Возрастные особенности функции внешнего дыхания и газообмена у пришлых жителей Крайнего Севера. Бюллетень Сибирского отделения Академии медицинских наук СССР. 1981. Т.1. № 6. С. 2-23.
5. Иванова А.А., Потапов А.Ф. Смертность и инвалидизация населения Якутии от воздействия низкой температуры окружающей среды. Якутский медицинский журнал. 2021. № 2 (74). С. 85-88.
6. Зырянов Б.Н., Соколова Т.Ф. Адаптационные реакции и иммунитет у пришлого населения Крайнего Севера. Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. № 2 (111). С. 48-58. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.111.2.003.
7. Терещенко П.С., Петров В.Н. Особенности заболеваемости населения Арктического региона. Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2018. 1(98). С. 71-73.
8. Ветошкин А.С., Шуркевич Н.П., Гапон Л.И., Губин Д.Г., Симомян А.А., Пошинов Ф.А. Роль ритма природной освещенности в формировании десинхроноза в условиях заполярной вахты. Сибирский медицинский журнал. 2019. Т. 34. № 4. С. 91-100.
9. Аганов Д.С., Тыренко В.В., Топорков М.М. Уровень витамина D у военнослужащих, проходящих службу на Крайнем Севере Российской Федерации. Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2020. № 1. С. 64-69.
10. Агджанян Н.А., Жвавый Н.Ф., Ананьев А.Н. Адаптация человека к условиям Крайнего Севера: эколого-физиологические механизмы – Москва: КРУК, 1998. – 235 с.
11. Симонова Н.Н. Адаптация к работе вахтовым методом в экстремальных условиях Крайнего Севера. Учебное пособие / Министерство образования и

- науки Российской Федерации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова». Архангельск, 2014.
12. Казначеев В.П., Куликов В.Ю. «Синдром полярного напряжения» и некоторые вопросы экологии человека в высоких широтах. Вестник Академии наук СССР. 1980. Т. 50. № 1. С. 74–82.
 13. Хуснулин В.И. Введение в полярную медицину. Новосибирск. СО РАМН. 1998. – 337 с.
 14. Данилова Е.В. Население российской Арктики: численность, процессы, прогнозы. Инновации и инвестиции. 2020. № 12. С. 261–265.
 15. Сенатор: строить города в Арктике – преступление. ИА «СеверПост.ру». Электронный ресурс <https://severpost.ru/read/111892/> (дата обращения 25.06.2021г.)
 16. Примаченко Я.В., Бровко С.Д. Модель психологической готовности к вахтовой работе в условиях Крайнего Севера. Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. Т. 17. № 4. С. 120–126.
 17. Еникеев А.В., Шумилов А.И., Касаткина Е.А., Карелин А.О., Никанов А.Н. Сезонные изменения функционального состояния организма детей кольского Заполярья. Экология человека. 2007. № 5. С. 23–28.
 18. Цесарская Е.Н. Влияние гипокинезии на показатели умственной и физической работоспособности студентов Кольского севера в период полярной ночи. Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2011. № 7. С. 164–167.
 19. Сороко С.И., Андреева С.С., Бекшаев С.С. Перестройка параметров энцефалограммы у детей – жителей о. Новая Земля. Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2009. № 2. С.49–59.
 20. Капцов В.А., Дейнего В.Н. Нерациональное освещение как риск здоровью в условиях Арктики. Анализ риска здоровью. 2020. № 1. С. 177–190. DOI: 10.21668/health.risk/2020.1.18
 21. Lewy A.J, Wehr T.A., Goodwin F.K., Newsom D.A., Markey S.P. Light suppresses melatonin secretion in humans. Science. 1980. 210(4475). 1267-1269/ DOI: 10.1126/science.7434030

References

1. Duel A. The Arctic economy will give Russia 200 thousand new jobs [Electronic resource] // Rossiyskaya gazeta. 2020. <https://rg.ru/2020/11/25/reg-dfo/arkticheskaja-ekonomika-dast-rossii-200-tysiach-novyh-rabochih-mest.html> (accessed 15.04.2021).
2. Kvashnina S. I. Public health in the North of Russia: (Socio-hygienic and ecological problems) / Ukhta State Technical University. - Ukhta, 2001 (USTU Basic educational program). - 259 p.
3. Preamble to the Charter (Constitution) of the World Health Organization/ Electronic resource <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%8C%D0%B5> (accessed 25.06.2021).
4. Kim L.B., Okuneva G.N., Egunova M.M., Kulikov V.Yu. Age-related features of

- the function of external respiration and gas exchange in the newcomers of the Far North. *Bulletin of the Siberian Branch of the Academy of Medical Sciences of the USSR*. 1981. Vol. 1. No. 6. pp. 2-23.
5. Ivanova A.A., Potapov A.F. Mortality and disability of the population of Yakutia from exposure to low ambient temperature. *Yakut Medical Journal*. 2021. No. 2 (74). pp. 85-88.
 6. Zyryanov B.N., Sokolova T.F. Adaptive reactions and immunity in the newcomers of the Far North // *Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District*. 2021. No. 2 (111). pp. 48-58. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.111.2.003.
 7. Tereshchenko P.S., Petrov V.N. Features of morbidity in the Arctic region // *Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District*. 2018. 1(98). pp. 71-73.
 8. Vetoshkin A.S., Shurkevich N.P., Gapon L.I., Gubin D.G., Simonyan A.A., Poshinov F.A. The role of the rhythm of natural illumination in the formation of desynchronosis in the conditions of the polar watch. *Siberian Medical Journal*. 2019. Vol. 34. No. 4. pp. 91-100.
 9. Aganov D.S., Tyrenko V.V., Toporkov M.M. The level of vitamin D in military personnel serving in the Far North of the Russian Federation. *Medical-biological and socio-psychological problems of safety in emergency situations*. 2020. No. 1. pp. 64-69.
 10. Agjanyan N.A., Zhvavy N.F., Ananyev A.N. Human adaptation to the conditions of the Far North: ecological and physiological mechanisms - Moscow: KRUK, 1998. - 235 p.
 11. Simonova N. N. Adaptation to shift work in extreme conditions of the Far North. Textbook / Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov». Arkhangelsk, 2014.
 12. Kaznacheev V.P., Kulikov V.Yu. "Polar stress syndrome" and some issues of human ecology in high latitudes. *Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR*. 1980. Vol. 50. No. 1. pp. 74-82.
 13. Khusnulin V.I. Introduction to polar medicine. Novosibirsk. SB RAMS. 1998. 337 p.
 14. Danilova E.V. Population of the Russian Arctic: population size, processes, forecasts. *Innovation and investment*. 2020. No. 12. pp. 261-265.
 15. Senator: It is a crime to build cities in the Arctic. IA "SeverPost.ru". Electronic resource <https://severpost.ru/read/111892/> (accessed 25.06.2021).
 16. Primachenko Ya.V., Brovko S.D. Model of psychological readiness for shift work in the conditions of the Far North. *Social sciences and humanities in the Far East*. 2020. Vol. 17. No. 4. pp. 120-126.
 17. Enikeev A.V., Shumilov A.I., Kasatkina E.A., Karelin A.O., Nikanov A.N. Seasonal changes in the functional state of the body of children of the Kola Arctic. *Human ecology*. 2007. No. 5. pp. 23-28.
 18. Tsesarskaya E.N. The influence of hypokinesia on the indicators of mental and physical work capacity of students of the Kola North during the polar night. *Scientific notes of the P.F. Lesgaft University*. 2011. No. 7. pp. 164-167.

19. Soroko S.I., Andreeva S.S., Bekshaev S.S. Reconstruction of encephalogram parameters in children of Novaya Zemlya island. Bulletin of the North-Eastern Scientific Center of the FEB RAS. 2009. No. 2. pp. 49-59.
20. Kaptsov V.A., Deinego V.N. Irrational lighting as a health risk in the Arctic. Health risk analysis. 2020. No. 1. pp. 177–190. DOI: 10.21668/health.risk/2020.1.18
21. Lewy A.J., Wehr T.A., Goodwin F.K., Newsom D.A., Markey S.P. Light suppresses melatonin secretion in humans. Science. 1980. 210(4475). 1267-1269/ DOI: 10.1126/science.7434030

Сведения об авторе

Вадим Викторович Пономарев родился в 1967 г., в 1994 г. закончил Уральский государственный университет им. А.М. Горького (ныне – Уральский федеральный университет, Екатеринбург) по специальности «журналистика», магистрант Тольяттинского государственного университета (Тольятти) по специальности «психология». Ст. научный сотрудник ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» (Салехард, Россия). Сфера научных интересов: психология здоровья, психодиагностика, психология кризисных состояний личности, наукометрия.

Information about the author

Vadim V. Ponomarev, born in 1967, in 1994 graduated from the Ural State University named after A.M. Gorky (now the Ural Federal University, Yekaterinburg) with a degree in journalism. Undergraduate psychology student at Togliatti State University (Togliatti). Senior Researcher at the Arctic Research Center of the Yamal-Nenets Autonomous District (Salekhard, Russia). Research interests: health psychology, psychodiagnostics, psychology of crisis states of personality, scientometrics.

Статья поступила в редакцию 01.07.2021 г., принята к публикации 01.09.2021 г.

The article was submitted on July 1, 2021, accepted for publication on September 1, 2021.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. № 3. (112). С. 48-60.

Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. № 3. (112). P. 48-60.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 39

doi: 10.26110/ARCTIC.2021.112.3.004

ПРАЗДНИК «ПРОВОДЫ ЛЬДА» В КУЛЬТУРЕ СИБИРСКИХ ТАТАР И СЕВЕРНЫХ СЕЛЬКУПОВ

Наиля Фазыловна Галеева¹, Александр Сергеевич Кулиш²

¹Научный центр изучения Арктики, Салехард, Россия

²Окружной дом ремесел, Салехард, Россия

¹13nelia31@mail.ru

²irikov29@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена поиску параллелей в традиционных представлениях двух коренных народов Сибири (сибирских татар и северных селькупов) о водных объектах, образе хозяина/хозяйки воды и связанном с ним празднике «Проводы льда», в которых нашли свое отражение религиозные верования и рациональные знания о взаимодействии человека с природной средой. В основе статьи сведения из научных публикаций и материалы полевых экспедиций авторов по Тевризскому району Омской области и Красноселькупскому району Ямало-Ненецкого автономного округа.

Ключевые слова: сибирские татары, селькупы, народы Севера, ледоход, Проводы льда, народный праздник.

Цитирование: Галеева Н.Ф., Кулиш А.С. Праздник «Проводы льда» в культуре сибирских татар и северных селькупов // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. № 3 (112). С. 48–60. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.112.3.004

Original article

FESTIVAL «SEEING OFF THE ICE» IN THE CULTURE OF THE SIBERIAN TATARS AND THE NORTHERN SELKUPS

Nailya F. Galeeva¹, Alexander S. Kulish²

¹*Arctic Research Center, Salekhard, Russia*

²*Regional House of Crafts, Salekhard, Russia*

¹*13nelia31@mail.ru*

²*irikov29@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the search for parallels in the traditional ideas of two indigenous peoples of Siberia (the Siberian Tatars and the Northern Selkups) about water bodies, the image of the “master / mistress of water” and the related festival “Seeing Off the Ice”. They reflect religious beliefs and rational knowledge about human interaction with the nature. The article is based on information from scientific publications and materials of field expeditions of the authors in Tevriz district of the Omsk region and Krasnoselkupsky region of the Yamal-Nenets Autonomous District.

Keywords: the Siberian Tatars, the Selkups, peoples of the North, ice drift, Seeing Off the ice, folk holiday.

Citation: Galeeva N.F. Kulish A.S. Festival “Seeing Off the Ice” in the culture of the Siberian Tatars and the Northern Selkups // / Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. (112). No. 3. P. 48-60. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.112.3.004

Введение

Вопросы тюрко-самодийских культурных параллелей поднимались в западносибирской этнографии многократно. Аналогии в материальной культуре и мировоззрении освещались в исследованиях В.И. Васильева [1], Д.М. Исхакова [2], Н.А. Тучковой [3]. Лингвистические исследования по данной теме отражены в работах Х.Ч. Алишиной [4], Ф.Х. Гильфановой [5] и Е.Ч. Дыжитовой [6]. У народов, истари проживающих в схожих природно-климатических условиях, возникают сходства в традиционных видах хозяйства, народных промыслах и обрядовой сфере, представляющей, несмотря на влияние глобализации, тот слой культуры, который в совре-

менных условиях несет основную этническую нагрузку. Она сохраняет пусть и отдельные элементы архаичных структур, позволяет проследить изменения в мировоззрениях народов и их связи с другими этносами. Исследования обрядовой сферы на сегодняшний день крайне актуальны, ведь многие элементы исчезают, трансформируются, а носителей культуры становится всё меньше. В связи с этим изучение обрядовой сферы, фиксация ее элементов и введение в научный оборот новых данных может оказать существенное влияние на повышение интереса к данной теме.

Одной из наиболее архаичных обрядовых форм для народов Сибири является анимизм: вера в духов и хозяев окружающего пространства. В воображении людей они наделялись могущественной силой: управляли явлениями природы, влияли на плодovitость, здоровье и судьбы людей, на погоду. Вода считается первоэлементом Вселенной, воплощающим в себе хаос и бездну. Благодаря этому, по мнению многих исследователей, вода связана с жизнью, способствует очищению и обновлению. У многих народов существовал, а кое-где и продолжает отмечаться обрядовый праздник «Проводы льда». Нарядно одетые люди шли на берег, где жгли костры, пели песни, угощались принесенными с собой блюдами и напитками. А еще — умывались ледяной водой: считалось, что весенняя река уносит болезни, избавляет от сглаза. Торжества отличались деталями, в зависимости от национальных особенностей, но финал был един — реке, духу воды, приносили дары. Не остались в стороне от этого события сибирские татары и северные селькупы.

Данное исследование посвящено поиску параллелей в традиционных представлениях сибирских татар и северных селькупов о водных объектах, образе хозяина/хозяйки воды и связанном с ним празднике «Проводы льда», в которых нашли свое отражение религиозные верования и рациональные знания о взаимодействии человека с природной средой.

Материалы и методы

На сегодняшний день праздник у исследуемых народов не отмечается массово, сохранились лишь отрывочные сведения о проводимых обрядах. Авторами статьи несколько лет проводился сбор информации, отражающей традиционную культуру сибирских татар (курдакско-саргатская подгруппа тоболо-иртышских татар) и селькупов (тазовская подгруппа северных селькупов) в малых населенных пунктах Тевризского района Омской области и Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа.

Статья написана на основе литературных данных и полевых материалов, собранных авторами в период 2008—2015 годов в селах Толька и Ратта, фактории Киккиакки, Красноселькупского района, Ямало-Ненецкого

автономного округа, а также деревень Тайчи и Байбы, Тевризского района, Омской области. Населенные пункты Красноселькупского района являются местами компактного проживания северных селькупов. Тайчи и Байбы заселены поволжскими и сибирскими татарами. Здесь следует отметить, что среди сибирских татар есть разделение. Жители деревень, расположенных у озер и малых речек, праздник ледохода не отмечали. Он зафиксирован в основном в деревнях, расположенных вдоль Иртыша или в непосредственной близости с ним.

Результаты и обсуждение

В прежние времена для всех людей, чья жизнь зависела от реки, ледоход являлся событием значимым. К примеру, коми говорили: «Река вскроется – еда переменится», – подразумевая то, что в зимний скудный рацион добавится рыба, пойманная во время весеннего нереста. К тому же река зачастую являлась единственным путем сообщения. Поэтому неудивительно, что к ней относились с большим почтением. Характерной чертой традиционного расселения сибирских татар и селькупов было расположение деревень у проточной воды. Поэтому вода и водные объекты имели особое и порой сакральное значение. Занятие рыболовством и частое использование лодок в качестве транспорта влекло и трагические последствия. «Су алып китте» («вода забрала» – перевод авт.) – так зачастую говорят об утопленниках сибирские татары, повышая тем самым статус водоема.

Для начала обратимся к самому образу хозяина/хозяйки воды. В мифологии обоих народов существуют хозяева водных объектов в мужском и женском облики. Мужскими воплощениями хозяина воды у татар являются *Су Бабасы* – Воды хозяин. *Су* – вода, *бабасы* в значении «дед», «старик». И *Су Бари/Су Пари* – хозяин воды. *Бари (пари)* – дух [7, с. 51-52]. У селькупов существовал хозяин воды *Ўтқыль лоз* или *қаррәльлос* [8, с. 119]. Если быть точнее, то в селькупском языке у термина дух/хозяин местности или стихии нет пола, то есть дух может представляться как мужским, женским так и бесполом существом. Однако процесс ледохода и сибирские татары, и северные селькупы связывают в основном с образом хозяйки воды.

В мифологии сибирских татар хозяйка, мать воды (*Су Анасы*) – это женский демонический персонаж, который представляется женщиной большого роста с белой кожей и длинными зелеными или же золотыми волосами. Она живет в реке, а зимой засыпает подо льдом, ее нельзя тревожить, поэтому существует запрет шуметь на реке [7, с. 47]. Для сибирских татар рыболовство было и остается основным видом промысла. Поэтому хозяйка воды, будучи владелицей всех рыб, имеет огромное влияние.

Считается, что она может утопить человека, который непочтительно к ней относится и не приносит один раз в год, во время ледохода, в подарок монету. И наоборот, она может спасти утопающего, выкинув его на берег. Если человек плывет по реке на лодке, нужно задобрить хозяйку воды, кинув ей монету, так как *Су Анасы* злится, когда ее тревожат, и от этого получаются волны. Перед спуском на воду новой лодки для *Су Анасы* также бросают монеты, чтобы лодка хорошо ходила, и хозяйка воды не раскачивала ее. Также, садясь первый раз в новую лодку, три раза поливают свою голову водой из реки, это считается выражением почтения *Су Ана*. Тогда лодка долго прослужит и не будет переворачиваться. [7, с. 47]. Неосторожных купальщиков она может схватить за ноги, унести в свое подводное жилище и умертвить [9, с. 182].

Для селькупов мифическая мать-прародительница — «старуха, живущая на дне» [8, с. 113]. Или, по другой версии, Мать-вода имела в древности облик чудовища — *кожара* (мамонт-щука). Потом у него появились большие перепончатые крылья. Кожар приобрел возможность летать и стал *минлеем* (подобный образ и его термин встречается и в мифологии ненцев). Затем это существо превратилось в деву красивую, которая жила в стволе старого дуплистого дерева [8, с. 10]. Река Обь до сих пор воспринимается селькупам как сущность с женским началом: «Обь — это, наверно, женщина, может быть, бабушка». Весной, когда основной лед уходит, а малая его часть опускается под воду, не успев еще растаять, такое состояние сравнивают с состоянием женщины после родов, когда «не все еще очистилось» [10, с. 171]. Впервые садясь в лодку, селькупы мочили макушку головы и приговаривали заговор. Считалось, чтобы в пути по воде люди не пострадали от «большой воды», необходимо было получить благословение водяного духа.

В селькупском мировоззрении духи делятся на три группы: духи-хранители человеческой жизни/души — духи помощники шамана и родовые духи; духи нижнего мира — приспешники главного злого духа *Кызы*, стремящиеся заполучить душу человека; нейтральные духи (безразлично относящиеся к человеческой душе) — духи местности и стихий. Духи местностей и природных стихий таких как вода, лес, ветер и огонь требуют к себе особого почета и уважения, только после «задабривания» они становятся благосклонными к человеку и благодарному охотнику или рыбаку посылают хороший улов.

И сегодня селькупы, ведущие традиционный полукочевой образ жизни, соблюдают обрядовые действия, связанные с периодом половодья. Со слов информантов Галины Владимировны Баякиной и Альбины Александровны Хозовой, известно, что как только река очищается ото льда, селькупы выходят на берег реки и бросают в воду металлические (не медные) монеты. В прошлом в воду погружали кусок купленной ткани крас-

ного или белого цвета. На рыболовном промысле, добыв первую рыбу, отваривают её в котле, часть употребляют в пищу в качестве жертвенной ритуальной еды, часть бросают в огонь, а бульон выливают в воду.

В появлении самого «жилища» хозяйки рек и озер также просматривается сходство. «Вода в представлениях селькупов выступает как форма инобытийного существования человека и, значит, как образ души: «Там, где падал или умирал богатырь, земля проваливалась, и появлялось озеро» [10, с. 193].

По одной из легенд сибирских татар Усть-Ишимского района, Омской области, хозяин всех рек и ветров, который всем властвовал и повелевал, а когда бывал зол, то реки выходили из берегов и деревья пригибались к земле. Но пришел храбрый Ир и в сражении одолел хозяина ветров. Там, куда отлетела его голова – образовалось Святое озеро, от упавшей изогнутой руки земля прогнулась, и возникла река Вертенис, а на месте падения самого тела – холм [11, с. 130]. Таким образом, в обоих случаях упоминается возможность происхождения рек после битвы богатыря.

В селькупской мифологии встречается предание о взаимодействии двух стихий – воздуха (ветра) и воды. Эти две стихии взаимосвязаны и, по преданию, вступают в свои господствующие права в определённое время года: вода главенствует в летнюю «половину» года, а ветер в зимнюю. Зимой, когда наступали затяжные холода, селькупы брали шест для чума и находили на березе ветвистое образование, порожденное патогенным грибом (в народе «ведьмина метла»), и били по нему. Данное образование именуется домом ветра, и когда ветер «спит» в своем доме, то его необходимо пробудить, чтобы тот в свою очередь прогнал морозы.

Явная связь между ветром и водой прослеживается в период ледохода, когда перед ледоходом и во время него поднимается сильный холодный ветер и может продолжаться на протяжении нескольких недель. Информанты-селькупы Зоя Владимировна Карсавина и Анна Александровна Ирикова объясняли это тем, что ветер «помогает освободиться воде ото льда» и уходит с ним на север, уступая приходящему теплу.

Обратим внимание на детали проведения обряда «задабривания духа воды». У обоих народов он традиционно проводился во время ледохода. Сибирские татары обряд называли праздник «*Боз карау*» (смотреть лёд), а селькупы «*Ўтыль апсы*» (кормление воды) или «*Ўтыль поры*» (период правления воды). Выбор времени не вызывает вопросов. Для сибирских татар начало ледохода символизировало начало весны и тепла и конец самого тяжелого периода года. По сути, посещение реки было первым массовым собранием людей в новом году. По мнению селькупов, в этот момент земля «рождалась» заново. Появление зелени и цветов означало приобретение земель новой одежды. Для сравнения ханты р. Демьянки

в дар водному духу осенью, после замерзания рек, приносят хлеб, калачи и печенье [12, с. 118].

Место проведения и участие населения

У татар праздник начинался еще до обеда. Все жители дружно шли на берег реки. Молодежь нарядная и веселая зачастую устраивала танцы и пения. Вместе с тем есть сведения, согласно которым к реке шли небольшими группами, семьями и старались сильно не шуметь и не веселиться. Таким образом, процесс становился сакральным. Селькупы также проводили обряд утром или днем. На берег шли всей семьей от мала до велика. Процесс превращался в большой праздник.

Респондент Анна Александровна Ирикова объясняла это тем, что у селькупов принято проводить все «смертные» дела до обеда. Считается, что интервал с раннего утра и до обеда – это время эффективного и плодотворного временного окна, а период с обеда до глубокой ночи – время обращения к миру мертвых. Оттого и принято производить погребальные обряды и действия в «дообеденное» время, дабы не подвергнуть душу покойного воздействию злых сил.

Во время ледохода представители обоих народов не только устраивали массовые гуляния и любовались природой, но и преподносили различные дары, проводили обряды.

Способы задабривания хозяйки воды

Задабривание едой, кормление в широком смысле этого слова встречается у обоих народов. У селькупов перед началом весеннего ледохода на Оби они несли к реке жертвенную жареную рыбу и хлеб, позже пряники, сладости и пр. [13, с. 53–54].

У татар исследуемого района подобный обряд встречается крайне редко. Об использовании в качестве дара еды рассказывала лишь один информант, Гульдифар Арслановна Гизатулина: *«На лед надо бросить монеты или кусочки хлеба. Это подарок воде. Тогда и следующий год спокойно пройдет, и вода никого не заберет»*.

Задабривание предметами встречается у обоих народов. У селькупов люди семьями выходили на высокий берег реки и подносили дары духу воды – бросали в воду монеты, металлические предметы, бусы, бисерные украшения и т. д. Бросая в воду дары, люди просили милости у духа воды, чтобы дух воды смилостивился и разрешил жить людям на земле. Если по пути проезжали священные места, непременно бросали дары – металл, в воду. А лед тронется, старые люди бросают с мыса шкуру зверя (белки) и говорят: *«Год я прожил, дожил до ледохода. Дай мне еще год прожить»* [14, с. 40].

У татар для удачной рыбалки люди кидают хозяйке воды монеты один раз в год во время ледохода и приговаривают при этом: *«Син минем – ул минем»* («Ты – мой (моя) – он (она) мой (моя)» – перевод авт.). Считалось, что после этого Су Ана пошлет рыбаку хороший улов [7, с. 48].

Использование огня

Информацию об обрядах с использованием огня у сибирских татар найти не удалось. Информанты также не смогли подтвердить или опровергнуть данный факт. В то же время известно, что татары, проживающие в Поволжье и на Урале, во время ледохода использовали огонь. По воде на льдинах пускали зажженную солому. В некоторых случаях из соломы изготавливали чучело, которое устанавливали на одну из последних льдин, поджигали и пускали вниз по течению. Этот акт символизировал утверждение весны и тепла [15, с. 21].

Со слов Анны Александровны Ириковой: *«Селькупы, проживающие в лесу у берега реки, также разжигали костры. Готовили дичь или рыбу, половину съедали, другую половину в воду выливали».*

Ледоход как обряд очищения

По словам селькупца Василия Геннадьевича Морокова: *«Во время половодья в старину шаманы доставали из своих сундуков и священных нарт культовые реликвии и развешивали их на березе, срубленной и подвязанной к основанию сруба. Это символизировало обновление предметов культа, которые продолжали висеть на священной березе на протяжении семи дней. Подобные действия свидетельствуют о связи двух праздников – праздник половодья Ётыль поры и праздник прилета птиц Порый апсы».*

Информант Анна Александровна Ирикова: *«Селькупы одаривали реку монетами, украшениями из бисера, кусочками ярких тканей. Считалось, что после жертвоприношения и молитв вода становится чистой, освящённой. Тогда нужно обязательно помочить макушку головы, вроде как получить благословение у реки. Если человек выезжал по воде в первый раз в течение года, смачивали макушку головы себе и своим детям, приговаривая заговор, прося милости и благословения. Если по пути проезжали священные места, непременно бросали дары в виде металлических изделий в воду (монеты, подвески, бляхи, гвозди, дроби и т. п.). На священных или особых озерах женщинам запрещалось ходить по берегу водоема, дабы его не осквернить. В некоторых случаях на таких озерах как Лозыль лакка и вовсе запрещалось черпать воду металлической посудой (лишь берестяным или деревянным ковшом), а также нельзя было ловить рыбу, так как данный водоем был священным и служил лишь для очищения души и тела от недугов».*

У татар также сохранялись магические элементы обряда. Большинство из них направлены на улучшение здоровья. С этой целью старые вещи – свои или больного человека – бросали на лед. Мальчики же и взрослые селяне с этой целью бросали в воду серебряные монеты, а в деревнях Байбы и Летнее (Тевризский район – примеч. авт.) считалось, что вода способна унести болезнь. *«Аны борып-борып баш очыннан суга ташлаганнар».* («Его, покрутив несколько раз над макушкой, бросали в воду» – перев. авт.) Люди, страдающие малярией, бросали в воду самодельные куклы.

Также бытовал обычай делать куклу и отправлять ее в маленькой лодочке по реке. [16]. Миннигуль Хабировна Аплисанова рассказывала, что жителям д. Байбы также был известен способ использования монет во время ледохода с целью улучшения своего здоровья.

Заключение

Сегодня праздник ледохода перестал восприниматься сибирскими татарами и северными селькупамии как особый, массовый обрядовый праздник. Но и по сей день процесс вскрытия реки ото льда воспринимается как мини-праздник.

В восприятии хозяина или хозяйки воды, отношении к процессу ледохода и формах задабривания духов очевидны параллели в традиционной культуре двух исследуемых народов. Практически полностью совпадает время проведения праздника и выбор предметов для задабривания хозяйки воды, а также восприятие праздника как обряда очищения от болезней. Вместе с тем существуют и различия – отсутствие приготовления еды на берегу у татар и наличие процесса сжигания чучела, что не встречается у селькупов.

Со слов информаторов из числа северных селькупов, сейчас праздник ледохода как массовое явление не встречается. Соблюдаются лишь некоторые элементы. Взрослое население, проживающее в поселках, идет к реке полюбоваться ледоходом и обязательно бросает в воду монеты или лоскуты ткани. Угощения готовят лишь те, кто живет на стойбищах.

Среди сибирских татар исследуемой местности сегодня большинство приходят к реке лишь полюбоваться процессом ее открытия. Бросают в реку монеты, хлеб и иные предметы немногие. Аклима Мучиповна Манашова поясняет: *«Раньше готовили на праздник отрезки ткани. Сейчас чаще берут в магазине носовые платочки. Или же просто монеты кидают».*

Зафиксирован также случай набора воды из реки. Мавзуфа Ибрагимовна Джалилова рассказывает: *«Каждый год мы с моей подругой Нуржиян идем к Иртышу во время ледохода. С собой берем пластиковую посуду и набираем в нее воду. Эта вода отличается от обычной. Она лечебная. Я храню ее весь год и периодически пью понемногу, когда чувствую сильную усталость».*

Некогда массовый и яркий для обоих народов праздник «Проводы льда» под влиянием глобализации и религии (христианство для селькупов и ислам для татар) существенно трансформировался и приобрел более скромные черты: уже не фиксируются случаи коллективного шествия к реке (все чаще информанты говорят о посещении реки в одиночестве или небольшими группами); практически исчезли сведения об использовании в обряде огня; сбор воды и ее хранение в течение года возможно демонстрирует заимствование (сбор воды христианами во время праздника

Крещения). Вместе с тем и по сей день в отдаленных населенных пунктах сохранились некоторые элементы праздника. Их анализ и систематизация позволили выявить определенные параллели (время проведения, формы задабривания духа и т.д.). Полевые материалы автора свидетельствуют о том, что наиболее архаичные представления о духе воды сохранились у информантов из числа северных селькупов. Вероятнее всего это связано с отдаленностью и труднодоступностью мест компактного проживания народа и большей сохранностью традиционных видов хозяйств.

Список источников

1. Васильев В.И. Тюрко-самодийские этнокультурные контакты на Сибирском Севере в историческое время // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. – Томск, 1987. – С. 177–184.
2. Исхаков Д.М. О некоторых аспектах проблемы тюрко-самодийских контактов в Приуральско-Прикамской зоне // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10-12 декабря 2001 г., Тобольск). – Тобольск – Омск: ОмГПУ, 2001. – С. 119–120.
3. Тучкова Н. А. Тюркские мотивы и образы в фольклоре обских шёшкупов / Н. А. Тучкова // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов западной Сибири». Тобольск, 09–12 декабря 2002 г. – Тобольск-Омск, 2002. – С. 321–327.
4. Алишина Х.Ч. Ономастическое пространство Тюменской области: тюрко-самодийские языковые контакты / Х. Ч. Алишина // Этнограф. обозрение. – 1994. – № 3. – С. 90–92.
5. Гильфанова Ф. Х. Этнолингвистические контакты тоболо-иртышских и барабинских татар (на материале родоплеменных названий и антропонимов) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/V52ec> (дата обращения: 25.05.2021)
6. Дыжитова, Е. Ч. Тюрко-самодийские апеллятивы в топонимах Забайкальского края // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: матер. X студенческой Междунар. заочной науч.-практ. конф. (Новосибирск, 16 апреля 2013 г.). – Новосибирск: Изд-во «СИБАК», 2013. – С. 42–45.
7. Корусенко М. А., Ожередов Ю. И., Ярзуткина А. А. Мифология сибирских татар в символах образов и вещей (опыты прочтения). – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. – 336 с.
8. Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. – С. 106–128.
9. Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. – Казань: татарское кн. изд-во, 1992. – 208 с.
10. Мифология селькупов / Тучкова Н.А., Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Ким-Малони А.А., Глушков С.В., Байдак А.В. / Науч. ред. Напольских В.В. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 382 с.
11. Козлова Н.К. Восточнославянские мифологические рассказы о змеях. Систе-

- матика. Исследование. Тексты. – Омск: Издательский дом «Наука», 2006. – 460 с.
12. Карьялайнен К. Ф. Религия Югорских народов. Т. 3. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. – 264 с.
 13. Тучкова Н. А. Селькупская ойкумена. Обжитое пространство селькупов южных и центральных диалектных групп. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2014. – 224 с.
 14. Пелих Г.И. Селькупская мифология. – Томск: Изд-во НТЛ, 1998. – 79 с.
 15. Уразманова Р.К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (Годовой цикл. XIX–нач. XX вв.) Историко-этнографический атлас татарского народа. – Казань: Изд-во ПИК «Дом печати», 2001. – 198 с.
 16. Уразманова Р.К. Годовой цикл традиционных обрядов и праздников сибирских татар. 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/V53Wh> (дата обращения: 20.05.2021)

References

1. Vasiliev V.I. Turkic-Samoyed ethnocultural contacts in the Siberian North in historical time // Problems of the origin and ethnic history of the Turkic peoples of Siberia. – Tomsk, 1987 – P. 177–184.
2. Iskhakov D.M. Some aspects of the problem of Turkic-Samoyed contacts in the Urals-Prikamsk zone // Samoyeds. Materials of the IV Siberian Symposium “Cultural heritage of the peoples of the Western Siberia” (December 10-12, 2001, Tobolsk). – Tobolsk – Omsk: OmSPU, 2001. – P. 119–120.
3. Tuchkova N.A. Turkic motives and images in the folklore of the Ob Sheshkups / NA Tuchkova // Turkic peoples: materials of the V Siberian symposium «Cultural heritage of the peoples of Western Siberia». Tobolsk, December 09–12, 2002 - Tobolsk – Omsk, 2002. – P. 321–327.
4. Alishina Kh.Ch. Onomastic space of the Tyumen region: Turkic-Samoyed language contacts / Kh. Ch. Alishina // Ethnographic review. – 1994. – No. 3. – P. 90–92.
5. Gilfanova F.Kh. Ethnolinguistic contacts of the Tobol-Irtysh and the Baraba Tatars (based on tribal names and anthroponyms) [Electronic resource]. – URL: <https://clck.ru/V52ec> (accessed 05.25.2021)
6. Dyzhitova E.Ch. Turkic-Samoyed appellatives in the toponyms of the Trans-Baikal Territory // Scientific community of students of the XXI century. Humanities: Materials of the X International Student Scientific-Practical Conference (Novosibirsk, April 16, 2013). – Novosibirsk: Publishing house “SibAK”, 2013. – P. 42–45.
7. Korusenko M.A. Ozheredov Y.I., Yarzutkina A.A. The mythology of the Siberian Tatars in the symbols of images and things (reading experiments). – St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies, 2013. – 336 p.
8. Prokofieva E.D. The old beliefs of the Selkups about the world // Nature and man in the religious beliefs of the peoples of Siberia and the North. Leningrad, 1976. – P. 106–128.
9. Valeev F.T. Siberian Tatars: culture and life – Kazan: Tatar Publishing House, 1992. – 208 p.

10. The mythology of the Selkups / Tuchkova N.A., Kuznetsova A.I., Kazakevich O.A., Kim-Maloni A.A., Glushkov S.V., Baidak A.V. / scientific editor Napolskikh V.V. – Tomsk, 2004 – 382 p.
11. Kozlova N.K. East Slavic mythological stories about snakes. Taxonomy. Study. Texts. – Omsk, 2006. – 460 p.
12. Karjalainen K.F. Religion of the Ugric peoples. Vol. 3. – Tomsk, 1996 – 264 p.
13. Tuchkova N.A. The Selkup Oikumene. The habitable space of the Selkups of the southern and central dialect groups. – Tomsk, 2014 – 224 p.
14. Pelikh G.I. The Selkup mythology. – Tomsk, 1998. – 79 p.
15. Urazmanova R.K. Rites and holidays of the Tatars of the Volga region and the Urals (Annual cycle. XIX – early XX centuries) Historical and ethnographic atlas of the Tatar people. – Kazan: Publishing House “Dom Pechati”, 2001. – 198 p.
16. Urazmanova R.K. The annual cycle of traditional rites and holidays of the Siberian Tatars. 2014. [Electronic resource]. – URL: <https://clck.ru/V53Wh> (accessed 20.05.2021).

Сведения об авторах

Наиля Фазыловна Галеева, 1989 г.р., окончила Омский государственный педагогический университет по специальности «история» в 2014 году. С 2020 года аспирант института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УФИЦ РАН (г. Уфа), научный сотрудник ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» (г. Салехард). Область научных интересов: этнография, народы Сибири, национальные объединения.

Александр Сергеевич Кулиш, 1987 г.р., окончил Ямальский многопрофильный колледж по специальности «живопись» в 2009 году. С 2018 года студент Тюменского государственного института культуры (г. Тюмень) по специальности «менеджмент социально-культурной деятельности». Директор филиала ГАУК ЯНАО «Окружной Дом ремёсел» «Природно-этнографический комплекс в п. Горноknязевск», г. Салехард. Область научных интересов: этнография народов Сибири, культурология.

Information about the authors

Nailya Fazylovna Galeeva, born in 1989, graduated from the Omsk State Pedagogical University with a degree in history in 2014. Since 2020, postgraduate student at the Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa). Researcher at the Arctic Research Center of the Yamal-Nenets Autonomous District (Salekhard). Research interests: ethnography, peoples of Siberia, national associations.

Alexander Sergeevich Kulish, born in 1987, graduated from the Yamal Multidisciplinary College with a degree in painting in 2009. Since 2018, a student

of the Tyumen State Institute of Culture (Tyumen), specializing in management of social and cultural activities. Director of the Natural and Ethnographic Complex in the village of Gornoknyazevsk (the branch of the Regional House of Crafts, Salekhard). Research interests: ethnography of the peoples of Siberia, cultural studies.

Статья поступила в редакцию 15.06.2021 г., принята к публикации 01.09.2021 г.

The article was submitted on June 15, 2021, accepted for publication on September 1, 2021.

Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. № 3. (112). С. 61-74.
Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. № 3. (112). P. 61-74.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 711.4.01(571.121)

doi: 10.26110/ARCTIC.2021.112.3.005

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО ЯМАЛА: ВЕКТОРЫ И РИТМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С МИРОМ

Галина Геннадьевна Гурьянова

Научный центр изучения Арктики, Салехард, Россия

galvarf@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей развития станкового изобразительного искусства на территории Ямало-Ненецкого автономного округа в XX веке. История края и его художественных процессов способствовали созданию сложной схемы пространственно-временного взаимодействия искусства страны и Ямала. Округ в разные годы был частью Свердловской, Омской и Тюменской областей, олицетворял собой Север, Арктику, Сибирь, Урал. Искусство Ямала эволюционировало под воздействием векторов искусства столиц страны и областей, обширных регионов. При этом художественный диалог «мир-Ямал» в течение почти всего XX столетия приводил к созданию отдельных результатов – произведений живописи, графики. И только в 1980–1990-е искусство стало источником изменения среды. Сначала городов округа, а затем, уже с первых десятилетий XXI века средством воздействия Ямала на мир. В статье также доказывается возможность синонимичного использования понятий «искусство Ямала» и «ямальское искусство». **Ключевые слова:** искусство Арктики, искусство Ямала, Ямало-Ненецкий автономный округ, региональное искусство.

Цитирование: Гурьянова Г.Г. Изобразительное искусство Ямала: векторы и ритмы взаимодействия с миром // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. № 3. (112). С. 61-74. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.112.3.005

Original article

FINE ART OF YAMAL: VECTORS AND RHYTHMS OF INTERACTION WITH THE WORLD

Galina G. Guryanova

Arctic Research Center, Salekhard, Russia

galvarf@mail.ru

Abstract. The article is devoted to identifying the features of the development of easel fine arts in the territory of the Yamal-Nenets Autonomous District in the twentieth century. The history of the region and its artistic processes contributed to the creation of a complex scheme of spatio-temporal interaction between the art of the country and Yamal. In different years the district was part of the Sverdlovsk, Omsk and Tyumen regions, personified the North, the Arctic, Siberia and the Urals. The art of Yamal evolved under the influence of the vectors of art of the capitals of Russia and regions and vast areas. At the same time, the artistic dialogue «World-Yamal» during almost the entire 20th century led only to the creation of individual results - works of painting and graphics. It was only in the 1980s and 1990s that art became a source of changes in the environment, first, in the towns of the Yamal-Nenets Autonomous District, and then, from the first decades of the 21st century, a means of Yamal's influence on the world. The article also proves the possibility of synonymous use of the concepts «art of Yamal» and «Yamal art».

Keywords: Arctic art, Yamal art, Yamal-Nenets Autonomous District, regional art.

Citation: : : G.G. Guryanova. Fine art of Yamal: vectors and rhythms of interaction with the world // Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. №3. (112). P. 61-74. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.112.3.005

Введение

Художественная культура нашей страны разнообразна. И среди ее составляющих изобразительное станковое искусство занимает важное место. Если в конце XX века и на рубеже столетий в российской художественной среде много говорилось о потере станковой картины своей актуальности, о приоритетности развития средового искусства, инстал-

ляций, объектов, видео, то сейчас ситуация изменилась. Выставочное пространство, теоретический искусствоведческий и культурологический дискурсы наполнены проблемами современного станковизма.

Развитие мира в русле глобализации, с одной стороны, многонациональная Россия, разница в историческом, культурном, экономическом современном состоянии ее регионов, с другой, вызывают к децентрализации, многоцентричности, региональности как желаемой стратегии развития страны. Как следствие, процессы культурной локализации и регионализации, их результаты становятся объектом и предметом научных исследований.

Логично предположить, что региональная культура и искусство представляют собой одну из локальных версий столичных культуры и искусства. Наличие этого местного варианта российского искусства придает региону ощущение целостности и полноты своего развития, формируя идентичность своих жителей. Кроме того, региональное искусство вписывается в межрегиональный процесс, чья ценность уже начинает рассматриваться наравне с понятием «общероссийское искусство». Также, региональное искусство, в силу своей обязательной сильной связи со столичными художниками, может предоставить информацию об этих мастерах, не вошедших в список изученных творческих биографий, расширив этот круг. Таким образом, региональное искусство имеет не только ценность регионального уровня, увеличивая фактологический и содержательный объем искусства общероссийского.

При этом у искусства удаленных от крупных художественных центров территорий существует свой особый ритм развития. Он проявляется прежде всего в истории региональных искусств. Но и сегодня, особенно без развитых художественных институций, искусство периферии живет на пересечении нескольких временных потоков. С одной стороны, ее художественная практика созвучна признанным центрам искусства, но с другой стороны, в качестве мейнстрима провинция часто определяет искусство, которое демонстрируют обращение к опыту середины и второй половины XX века. Подобная множественность и одновременно неполнота, разнообразность художественного процесса — отличительная черта большинства нестоличных территорий. Изучая историю регионального искусства, важно об этом помнить и выявлять локальные векторы и ритм его эволюции.

Профессиональное станковое изобразительное искусство Ямала (оговорюсь, что в пределах этого материала слово Ямал использую как синоним полного наименования автономного округа в силу его краткости и возможности быть основой эпитета «ямальский» применительно к особенностям региональной художественной культуры) за десятилетия своего существования усвоило множество влияний со стороны искусства столиц, городов Урала и Сибири. Их пространственно-временные сочетания

предоставляют основу для выявления приоритетных векторов развития, а также роли искусства в определенный период. Анализ воздействия на искусство Ямала дает возможность определить, где искать на сегодняшний день недостающую информацию, чтобы сложилась полнота исторического развития искусства. А схема соотношения ролей ямальского искусства позволяет определить его состояние как в исторической перспективе, так и на современном этапе.

Цель этого материала состоит в формулировании особенностей развития профессионального станкового изобразительного искусства Ямала в XX веке при помощи характеристик направлений воздействия на него со стороны искусства российских территорий и результатов этого взаимодействия.

Уточню содержание понятия «профессиональное станковое изобразительное искусство». Изобразительное искусство отражает действительность и мир представлений в образной форме. Семейство изобразительных искусств в отличие от словесных, музыкальных предполагает обязательное использование подручных технических материалов, применяемых не только в художественной деятельности (холст, краска, глина, камень и пр.). Не случайно, художник в кругу «чистых» творцов рассматривался как ремесленник. Изобразительные искусства – это пространственные искусства, т.к. созданные изобразительные и абстрактные образы существуют в пространстве, не развиваясь во времени в пределах одного произведения (что, впрочем, не всегда так). К изобразительным пространственным искусствам относятся живопись, графика и скульптура, отличающиеся друг от друга материалами и основывающимися на них выразительными средствами. Дефиниция «станковое» относится к родовой классификации искусства. В отличие от искусств монументальных и декоративно-прикладных станковое искусство самодостаточно. Создаваясь на «станке» (мольберте и пр. «помощниках» художника), станковое искусство создается и существует на своих основаниях. Его бытование – на стене в доме владельца, в коллекции частной, общественной, государственной [1]. Термин «профессиональное» применительно к искусству Ямала условен, т.к. не все его художники попадают под эту категорию (освоение изобразительного языка в специализированной художественной образовательной институции, принадлежность к творческому союзу, ведущая деятельность и пр.). Профессиональным буду называть то искусство, которое оставило заметный след в пределах городов округа.

Изданных материалов, выявляющих ритмы развития искусства Ямала не так много [2]. Таким образом, эта статья обладает новизной и может быть востребована в образовательном, музейно-выставочном процессах, при принятии стратегических и тактических решений в культурной политике края.

Материалы и методы

Основой культурного регионоведения выступает учение о культурных гнездах [3] и гении места [4]. Именно эти понятия помогают рассматривать отдельный регион, город, поселение с точки зрения изучения и анализа с одной стороны их встроенности в общегосударственный процесс, а с другой – выявления особенностей ритма и содержания этого процесса на конкретной территории.

Характеристика вклада территории в развитие культуры государства связана с теорией культурного регионоведения, которая изучается в рамках методологии культурной географии. Как отмечают ведущие отечественные исследователи Н. Ю. Замятина и А. Н. Пилясов, ключевыми чертами новой промышленной политики сегодня являются ее децентрализованный, социально укорененный и местный специфический характер [5. С. 19]. Культура государства сегодня также подпитывается этими возможностями.

Теория культурных гнезд, определение гения места, методология культурной географии стали той основой, которая сегодня наполняет классический историко-культурный метод, помогающий выявить взаимосвязь между событиями культуры и искусства конкретного региона и этапов развития истории и культуры всей страны, а также мира.

Структурирование разноречивого объема информации о развитии искусства Ямала основывалось на методе семиотического исследования, который заключается в рассматривании любого явления в качестве знака и определении его правила [6. С. 9]. Метафорическим воплощением взаимодействия базовых знаковых и знаковых систем исследования («Ямал», «мир» «искусство», «результат», «инструмент») выступил образ вектора, направления переноса ведущих формальных и содержательных идей из одного пространственно-временного состояния в другое, приводящий в разные периоды эволюции явления к различным итогам.

Результаты и обсуждение

Любое региональное искусство и искусство Ямала в том числе разнообразно по своему составу и сочетает множество оппозиций: искусство этническое и глобальное (городское), любительское и профессиональное, станковое и монументальное, изобразительное и прикладное и пр. В этом материале речь идет о развитии станкового изобразительного искусства – искусства преимущественно городского.

Осознание причин формирования отличительных особенностей искусства Ямала стоит начать с определения его особенности на фоне существующих сегодня трендовых дефиниций «культура Севера» и «Арктическая цивилизация».

Формирование образа Севера и, одновременно, Арктики в российской культуре, безусловно, связано с началом XVIII века. «Со времен Петра Великого северный геополитический вектор для России становится стратегической доминантой и на три с лишним столетия незатухающим источником вдохновения» [7]. Активизация государственной и социальной ценности падает на XX век — время освоения Северного морского пути, романтики первопроходцев, открывающих северные нефтегазовые месторождения. История и культура Севера, Арктики — важная составляющая истории и культуры советской России, что отражается в названиях научных, образовательных, художественных институций первой трети XX века, с которым (институциями) было напрямую связано развитие Ямала: Северная научно-промысловая экспедиция (1920), Институт по изучению Севера (1925), Северный институт/Институт народов Севера (с 1925 года), Всесоюзный арктический институт (1930), Музей Арктики и Антарктики (1930) и пр. На рубеже XX и XXI веков именно понятие «арктический» переживает новую волну международного и российского внимания (Арктический совет (1996), Университет Арктики (с 2001 года)), сталкивая экономические и политические интересы разных стран и активизируя развитие округа, его культуры и искусства в том числе, в этом направлении. «Север» сегодня маркирует культуры народов, проживающих вблизи полярного круга, на побережье морей Ледовитого океана, а слово «арктический» как и «циркумполярный» отмечает особенность современного промышленного освоения и жизнеустройства на этих территориях.

Как уже было сказано, культура Ямала, с одной стороны, является наследницей «культуры Севера» в более локальном варианте, а с другой — претендует стать сегодня основой для «культуры Арктики». Рассматривая искусство Ямала, привлекая внимание к тем столичным мастерам, которые популяризировали эту землю, и к местным художникам, которые участвовали и участвуют в создании здесь «культурного слоя», необходимо привлекать «северную» и «арктическую» оптику для выхода за пределы краеведения и вовлечения края в более значительную художественную орбиту. Но кроме этих всемирных и общероссийских оптик необходимо ввести еще несколько, т.к. исторически регион был и остается связан с несколькими территориями — Сибирью, Уралом.

Ямало-Ненецкий автономный округ располагается между 73-й и 62-й параллелями и 62-м и 86-м меридианами, представляя собой вытянутый по горизонтали четырехугольник, ширина которого составляет половину его длины. При разговоре об искусстве территории важно заручиться пониманием того, с какими географическими и административными понятиями (кроме Севера и Арктики) округ связан. Географически регион относится к Западной Сибири, административно — к Уральскому федеральному округу, экономически — Западно-Сибирскому экономическому

региону. С начала XVIII века территория будущего округа входила в Сибирскую губернию, с начала XIX века – в Сибирское, а потом – Западно-Сибирское генерал-губернаторство, Тобольскую губернию, Омскую область.

С XVIII века Ямал привлекал исследователей, ученых самых разных областей знаний. Их путешествия сопровождались личными зарисовками, участием приглашенных художников, выпускников Императорской Академии художеств. Присутствие «малой столицы», Тобольска, в процессе формирования «искусства о Ямале» тоже было значительным. «Столичный» вектор («мир – Ямалу» в виде «Санкт-Петербург – Ямалу») был заметным, правда, на территории столицы. Подтверждая это правило в виде исключения, территория Севера уже в XIX веке представляла своих творцов – Н. Шахова [8], например. А альбомы зарисовок и итоговое презентационное издание тоболяка М. Знаменского объединяет вектор влияния и само место [9]. М. Знаменский, выпускник Академии художеств, жил и работал на Севере, в Тобольске, поездки на территорию будущего автономного округа вряд ли ощущались им как «путешествия на край земли».

Тобольская губерния просуществовала по 1920 год. Затем территория будущего округа становится частью Уральской области (1923–1934), потом на десять лет – обширной Омской области (1934–1944). С 1944 года Ямало-Ненецкий национальный/автономный округ входит в состав Тюменской области. С 1990 года – это субъект Российской Федерации в составе Тюменской области. Воздействие Уральской среды на Ямале пока не выявлено. Н. Пелецкий, первый художник, чье присутствие в селе Обдорске в 1920-х годах было определено скорее всего царской ссылкой, не был связан с Уральской областью. Полагаю, что первая треть XX века на Ямале развивалась в русле «столичного» вектора, характерного для XVIII–XIX столетий: осознание ценности места на основе универсальной (академической) художественной школы большого мира.

А вот вектор присутствия омского искусства за десятилетие вхождения округа в состав Омской области историей отмечен (сказалась соцреалистическая стратегия единого художественного развития страны в эту эпоху). И вновь, как и в случае с Тобольском во второй половине XIX века, омский вектор – это вектор «малой столицы». Его воздействие сказывается в поездках омичей (Е. Крутикова, С. Фельдмана) на Север, создании там этюдов на приоритетные темы «новой жизни» (рыбное производство, портреты передовиков и пр.) и образов местного ландшафта. Скорее всего эти работы не были показаны на месте их создания, зато на Первой омской областной выставке живописи и графики 1937 года их увидели ценители искусства областного центра [10]. Так, «столичный» вектор в его большом и малом форматах на основе существовавшего в столицах избразительного языка обогащался темами и образами провинции, расширяя художественно освоенную территорию.

В подтверждение вышесказанного отмечу, что и позже уже в рамках Тюменской области художественная среда автономного округа (Салехарда прежде всего) существовала в направлении «столичного» вектора: рисовальный кружок А. Эллера, объединивший множество местных любителей прекрасного, скрупулезный рисунок В. Заборского, фотографии и зарисовки Н. Носкович. И вновь в 1940–1950-е местная среда реагирует появлением собственных уникальных художественных опытов. Творчество И. Истомина можно рассматривать как в русле «столичного» вектора (создание живописных полотен в духе стилистики и поэтики соцреализма), так и как проявление местного гения (полотно «Ленин на Ямале» – это не столько живописное воплощение народного (коллективного) представления, сколько оригинальное, локальное и передовое на тот момент решение популярной «ленинской темы»). Столь же уникально художественное мышление резчика по кости П. Василькова.

Следующее десятилетие также отмечено «столичными» векторами (столиц больших и малых) в сочетании проявлением местных художественных сил. Отличие поездок на Север периода оттепели и позднего социализма от предыдущего времени состоит в единстве подхода к формированию условий перемещения художников столиц, Урала и Сибири на Ямал. Государственный проект «освоение окраин, в том числе и при помощи искусства», реализовывался в творческих командировках: пленэр ленинградских художников середины 1960-х, творческая поездка омичей В. Бережного и Н. Третьякова конца 1960-х [11], командировки тюменцев (М. Рогожнева, Г. Бусыгина и др.), омичей (Г. Катилло, В. Долгушина, В. Белана, А. Маркарова) [12]. Местные художественные силы в эти годы накапливали свой потенциал (творчество С. Канева, Г. Пуйко, Г. Хартаганова).

1960–1970-е годы в советском пространстве демонстрировали не только единство языка, но и, особенно в графике, уникальные поиски. Поэтому наряду со «столичным» вектором северная оптика предьявляла авторские творческие решения, а к ним привязывала и региональное воздействие. Так, авторский метод омича Н. Третьякова, его обобщенный монументализированный язык графики создал узнаваемые формульные образы северных поселков (Новый Порт, Тазовское), сделал их частью как третьяковского искусства, так и омского суровостильного, став значимым результатом воздействия «омского» вектора.

В 1970–1990-е годы Ямало-Ненецкий автономный округ создает несколько важных институций, которые способствуют постепенному изменению условий взаимодействия мира и края: в середине 1970-х открывается художественное отделение Салехардского культурно-просветительного училища. С середины 1970-х начинается осознанное комплектование художественной коллекции в Окружном краеведческом музее, в середине 1980-х годов создаются друг за другом два специали-

зированных художественных музея округа (в Новом Уренгое и Ноябрьске), в городах округа открываются художественные студии (в том числе и школа Г. Хартаганова), формируются художественные направления в ДШИ, открываются ДХШ. Взаимодействие мира и Ямала в эти десятилетия уже не подвержено привычной стратегии, созданной на основе художественного освоения Севера силами столичных (а также уральских и сибирских) мастеров, прежде всего для демонстрации изобразительным языком особенностей жизни местных жителей. О своей жизни северяне начинают рассказывать сами, демонстрируя как образовательный столичный опыт, так и мастерство, приобретенное на Ямале (Л. Лар, Г. Хартаганов, Н. Талигина, Л. Юнкерова, В. Ушаков, В. и Н. Самбуровы, В. Чапа, М. Канев, Л. Бокотей, Е. Зорина, И. Хартаганов, В. Чалый, И. Любомская, П. Надонги, В. Кузюк, А. Сотруев, В. Ядне, В. Селиверстов, Р. Бекшенев, И. Падалкина).

В первые десятилетия XXI века активность, а значит и степень воздействия ямальских художников на свою территорию, Урал, Сибирь, мир при помощи своего искусства, которое формировалось как на Ямале, так и на других территориях, значительно возрастает. Векторы воздействия уже невозможно выявить. Художники рождаются на Ямале, учатся в столицах и возвращаются обратно, приезжают с готовой профессией из самых разных уголков, формируют среду в округе, а среда продолжает формировать их (к художникам, работавшим в 1990-е, добавляются С. Лугинин, А. Вахрушев, В. и А. Краснобородкины, А. Юхлымова, И. Каширова, Т. Кипко, Н. Котлярова, С. Баранов, Г. Сибагатуллина, С. Пташкина, А. Сахненко, А. Яковлева, И. Грибанов и др.).

Выявляя особенности развития изобразительного станкового искусства на Ямале, важно отметить не только действие «столичных» векторов и уникальность местных сил, но выявить эволюцию самого творческого процесса, который проходил стадии как отдельных результатов, так и осознания себя в качестве инструмента влияния на человека, среду, условия формирования городского сознания.

Индикатором присутствия профессионального изобразительного искусства на территории, безусловно, служат видимые результаты художественного творчества: произведения искусства (живописные холсты, графические листы, скульптурные объемы), их представление на экспозициях выставок. Появление результатов творческого процесса очень важно: они помогают начинать отчет присутствия на территории искусства, объединять биографию мастера и историю края, вести разговор о местных темах и образах. Конечно, восприятие произведений искусства и в мастерской художника, и, тем более, на выставках, создают условия для изменения состояния местной среды. Но проследить этот процесс сложно, требуются дополнительные условия – процесс рефлексии в исследо-

ваниях, публикациях. Более заметным становится воздействие искусства при действующих художественных институциях (образовательных выставочных, комплекующих коллекции, творческих союзах и пр.), функционирование которых включает осознание целей и ценностей, тактическое и стратегическое планирование. При работающих художественных институциях искусство становится не только создателем отдельных результатов, но и инструментом, определяющим новую среду.

Если рассмотреть искусство Ямала сквозь разнонаправленный вектор «мир – Ямалу» и «Ямал – миру», используя в качестве итога воздействия образы «результата» и «инструмента», то развитие искусства округа укладывается в следующие неравномерные ритмы. Длительное время (XVIII век – середина XX века) мир, используя Ямал как источник новых образов и тем, приходил туда с готовыми умениями, мастерами, создавал отдельные результаты – произведения искусства, которые чаще всего увозились обратно в мир, но с конца 1920-х годов начинали оседать и на Ямале, в музейном собрании. В проектный период (1960 – 1970-е годы) развития советского искусства Ямал как локальный образ Севера стал источником творческого вдохновения для приезжих. Ямал воздействовал на мир своей суровой природой и образами человека, одаривая его вновь результатами искусства. Благодаря вектору «Ямал – миру» в это время многие территории обогатились произведениями о Ямале (некоторые из них в последствии вернулись в округ).

И лишь с рождением художественных институций на Ямале можно говорить о возможности применения ямальского искусства в качестве инструмента воздействия на окружающую городскую среду. В 1980–1990-е годы этот инструмент вобрал в себя больше немальских качеств. Таким образом, в это период мир при помощи искусства создал на Ямале инструмент влияния – при помощи уже привычных образовательных и музейных форм. Итогом воздействия вектора «мир – Ямалу» стало формирование художественной среды округа. Ответ Ямала миру мы можем наблюдать уже в XXI веке, когда разнообразные художественные инициативы стали создавать сложные обратные потоки влияния: от этой северной территории к российским столицам, Европе и пр.

Искусство развивается по заданным направлениям и вопреки им, оно может по-разному влиять на окружающее пространство и быть связанным с регионом разными свойствами. Так, в основе понятия «искусство о Ямале» лежит тематический принцип, он объединяет большинство изобразительных практик, реализованных как приезжими, так и местными мастерами в течение XX века. Понятие «искусство Ямала» теснее связывает художника с территорией, но не всегда включает в себя ямальскую тему. Подобный опыт появился в округе только в XXI веке. Есть ли различия между «искусством Ямала» и «ямальским искусством»? Искусствоведы

регионов задаются проблемой различения подобных смыслов, уточняя, что название региона, переходящее в эпитет деятельности, придает этой деятельности объективизируемые качественные особенности. По поводу выявления, например, сибирских качеств искусства споры ведутся [13]. Думаю, что о принципиально ямальских качествах говорить еще рано. Поэтому на сегодняшний день понятия «искусство Ямала» и «ямальское искусство» – как синонимичные. Искусство о Ямале – это искусство, раскрывающее Ямал вовне. Ямальское искусство, или искусство Ямала, – это искусство, раскрывающее Ямал для жителей этой земли.

Заключение

Таким образом, искусство Ямала – это часть искусства России, Сибири, Урала, локализованная на территории Ямало-Ненецкого автономного округа и олицетворяющая собой Север и Арктику. Ямальское искусство одновременно представляет и округ, и Сибирь, и Полярный Урал, а также Север и арктическую цивилизацию. И если большинство позиций, отражаясь в искусстве, имеют природно-климатический и исторический оттенок, то понятие части арктической цивилизации накладывает на ямальское искусство ответственность принадлежности современности.

Воздействие столичного и регионального векторов придает искусству следующие качества. Во-первых, это временное несоответствие периодов ямальского искусства и периодов искусства Сибири, Урала, России, выражающееся в запаздывании, задержке, заповедности художественных профессиональных процессов на этой земле. Так, период воздействия мира на Ямал, результатом которого стали первые живописные и графические работы, первые художники и первые выставки, вобрал в себя всю первую половину XX века, не разделяясь на общероссийские эпохи стиля модерн, авангарда и соцреализма. Период воздействия Ямала на мир в результате реализации художественного проекта освоения мира при помощи искусства вобрал в себя эпоху оттепели и поколения «семидесятников». Время появления первых инструментов формирования среды при помощи искусства в период воздействия мира на Ямал (1970–1990-е годы) обобщило позднее советское искусство, перестроечную и постперестроечную эпохи. Ямал принес в мир искусство как инструмент уже сегодня, одновременно делясь местными темами, живой культурой коренных народов Севера, природой и предоставляя для современных мастеров (местных и приезжих) возможность найти себя здесь. Во-вторых, для искусства Ямала характерна большая степень мобильности участников художественной жизни, отсутствие укорененности, преемственности. С одной стороны, это качество сделало длинным этап накопления результатов взаимодействия мира и Ямала, а с другой, позволяет и процесс создания

из искусства инструмента преобразования среды сделать разнообразным, множественным. В-третьих, профессиональному изобразительному станковому искусству Ямала XX века присуща стилистическая гомогенность, основанная прежде всего на универсальной российской образовательной традиции – академическо-реалистической. Лишь третий период (искусство – инструмент, который мир предоставил Ямалу) создал условия для рождения местных авторских поисков, опирающихся как на прикладную ремесленную традицию коренных народов Севера, так и на открытия, созвучные сибирскому искусству начала 1990-х годов – жанру «сибирской неорархаики».

Список источников

1. Виппер Б. Р. Введение в историческое изучение искусства. – М.: Издательство В. Шевчук, 2015. – 368 с.
2. Гурьянова Г. Г. Изобразительное искусство Ямала за 90 лет развития // Научный вестник ЯНАО. 90 лет со дня образования Ямало-Ненецкого автономного округа. – 2020. – № 4. – С. 42–51.
3. Насонов А. Л. Н. К. Пиксанов и идея «культурного гнезда»: к постановке проблемы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: филология, журналистика. – 2020. – № 2. – С. 31–33.
4. Анциферов Н. П. «Непостижимый город...»: Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина. – СПб.: Лениздат, 1991. – 400 с.; Вайль П. Л. Гений места. – М.: КоЛибри, 2007. – 660 с.
5. Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Региональный консалтинг: приглашение к творчеству. Опыт разработки документов стратегического планирования регионального и муниципального уровня. – СПб.: Издательство Маматов, 2017. – 195 с.
6. Нестеров А. Ю. Семиотика как методология и онтология // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. – №1 (1). – 2021. – С. 6–13.
7. Кантор Ю. Предисловие // Образы Севера. – М.: Арт Волхонка, 2018. – С. 7
8. Большева К. А. Стилиевые основы композиций панно Н. Шахова из лекций МАЭ // Сборник музея антропологии и этнографии. Т.Х. – 1949. – С. 34–38.
9. От Тобольска до Обдорска. Рисунки М. С. Знаменского: факсимильное издание: альбом / авт.-сост. М. С. Знаменский; Общественный благотворительный фонд «Возрождение». – Верона: График, 2008. – 32 рис. 24 с. – 192 с.
10. Первая Омская областная выставка живописи и графики. Каталог. – Омск: Издание Омского областного управления по делам искусств, Омского кооперативного т-ва «Художник», 1937. – 29 с.
11. Муратова Н. В. О рисунках Н. Я. Третьякова из «Северной серии» в собрании Омского областного музея изобразительных искусств имени М. А. Врубеля // Декабрьские диалоги. Вып. 20: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции памяти М. В. Мелехина. – Омск: ООО «Топ-Принт», 2017. – С. 164 – 168.: илл.

12. Мысливцева Г. Ю. «Корабль творчества». О поездках омских художников по маршруту «Омск–Салехард» // Территория мечты. Сборник трудов Г. Ю. Мысливцевой. – Омск, 2010. – С. 118–121.
13. Чирков В. Ф. «Искусство Сибири» и «сибирское искусство»: различие смыслов. К постановке проблемы // Декабрьские диалоги: Вып. 7: Материалы Всероссийской научной конференции памяти Ф. В. Мелёхина, 16-18 декабря 2003 г. – Омск: ООО «Издательский дом «Наука», 2005. – С. 23–27.

References

1. Vipper B.R. Introduction to the Historical Study of Art. - Moscow: V. Shevchuk Publishing House, 2015. – 368 p.
2. Guryanova G.G. Development of the fine arts of Yamal for 90 years // Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. – 2020. – (109) № 4. – P. 42–51.
3. Nasonov A.L. N.K. Pksanov and the idea of a “cultural nest”: to the formulation of the problem // Bulletin of the Voronezh State University. Series: philology, journalism. – 2020. – № 2. – P. 31–33.
4. Antsiferov N.P. “Incomprehensible city...”. Soul of St. Petersburg. Petersburg of Dostoevsky. Petersburg of Pushkin. – SPb.: Lenizdat, 1991. – 400 p.; Weill P. L. Genius loci. – Moscow, KoLibri, 2007. – 660 p.
5. Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. Regional consulting: an invitation to creativity. Experience in the development of strategic planning documents at the regional and municipal levels. SPb.: Publishing house Mamatov, 2017. – 195 p.
6. Nesterov A.Yu. Semiotics as a methodology and ontology // Semiotic studies. – №1 (1). – 2021. – P. 6–13.
7. Kantor Yu. Foreword // Images of the North. – Moscow: Art Volkhonka, 2018. – P. 7.
8. Bolsheva K.A. The stylistic foundations of N. Shakhov’s panel compositions from the collections of the Museum of Anthropology and Ethnography // Collected works of the Museum of Anthropology and Ethnography. Vol. X. – 1949. – P. 34–38.
9. From Tobolsk to Obdorsk. Drawings by M.S. Znamensky: facsimile edition: album / Public Charitable Foundation “Renaissance”. – Verona: Graph, 2008. – 32 fig. 24 p. – 192 p.
10. The first Omsk regional exhibition of painting and graphics. Catalog. – Omsk: Publication of the Omsk Regional Department for Arts, Omsk Cooperative Association «Khudozhnik», 1937. – 29 p.
11. Muratova N.V. About N.Ya. Tretyakov’s drawings from the “Northern Series” in the collection of the Omsk Regional Museum of Fine Arts named after M. A. Vrubel // December Dialogues. Vol. 20: Materials of the All-Russian (with international participation) scientific conference in memory of F.V. Melekhin. – Omsk: Top-Print, 2017. – P. 164–168.
12. Myslvtseva G.Yu. “Ship of Creativity”. About the trips of Omsk artists along the route “Omsk–Salekhard” // Dream territory. Collection of works by G.Yu. Myslvtseva. – Omsk, 2010. – P. 118–121.
13. Chirkov V. F. “Art of Siberia” and “Siberian art”: differentiation of meanings. To the problem Statement // December Dialogues: Vol. 7: Materials of the All-Russian scientific conference in memory of F.V. Melekhin. – Omsk: Publishing House “Nauka”, 2005. – P. 23–27.

Сведения об авторе

Галина Геннадьевна Гурьянова, 1965 г.р., окончила Омский педагогический институт, художественно-графический факультет в 1987 году, в 2000 году – аспирантуру в Омском педагогическом университете, читала курс истории отечественного искусства и культуры. Кандидат исторических наук, доцент. С 2014 по 2019 год работала в МВК имени И. С. Шемановского (Салехард). С 2020 года – зав. сектором культурной антропологии ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики». Область научных интересов: древнее и современное искусство Сибири, искусство в городе, город в искусстве, городская антропология.

Information about the author

Galina Gennadyevna Guryanova, born in 1965, graduated from the Omsk State Pedagogical Institute, Faculty of Art and Graphics in 1987; in 2002 defended PhD thesis in the Omsk State Pedagogical University, taught the history of Russian art and culture. Candidate of Historical Sciences, doцент. From 2014 to 2019 she worked at the Yamal-Nenets Regional Museum and Exhibition Complex named after I.S. Shemanovsky (Salekhard). Since 2020, she has been working as the Head of the Sector of Cultural Anthropology of the Arctic Research Center of the Yamal-Nenets Autonomous District. Research interests: ancient and modern art of Siberia, art in the city, city in art, urban anthropology.

Статья поступила в редакцию 04.07.2021 г., принята к публикации 01.09.2021 г.

The article was submitted on July 4, 2021, accepted for publication on September 1, 2021.

ИСТОРИЯ

Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. № 3. (112). С. 76-95.
Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. № 3. (112). P. 76-95.

ИСТОРИЯ

Научная статья

УДК 669.184.125. 22 (571.121 – 25)

doi: 10.26110/ARCTIC.2021.112.3.006

СТАНОВЛЕНИЕ КИРПИЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА САЛЕХАРДА В ПЕРИОД ВХОЖДЕНИЯ ОКРУГА В СОСТАВ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ (1935 – 1944 гг.)

Александр Евгеньевич Вольф

Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского, Салехард, Россия

wolf424@mail.ru

Аннотация. В статье впервые обобщен материал по истории развития кирпичного производства в Салехарде в период становления Ямало-Ненецкого национального округа. В условиях слабо развитой системы транспортных коммуникаций и увеличения населения округа кирпич местного производства был востребован строительными организациями. В годы Великой Отечественной войны становление кирпичного производства в Салехарде было завершено. В отличие от довоенного времени кирпич стали делать качественным. Особую ценность представляет документ «Испытание на морозоустойчивость и оттаивание трех сортов кирпича горпромкомбината при Ямало-Ненецком Окрстрое¹ с 16 по 26 марта 1940 г.». Указанные в нем размеры позволяют выявлять кирпич местного производства и отличить от привозного. Эта информация будет ценна прежде всего для работников музеев, расположенных в округе, формирующих историко-бытовые коллекции, археологов и брикофилов (коллекционеры кирпичей).

Ключевые слова: кирпичный завод, салехардский кирпич, Главное управление Северного морского пути, Всесоюзный арктический институт, стахановское движение, газета «Красный Север», Салехард.

¹ Окружной отдел строительства

Цитирование: Вольф А.Е. Становление кирпичного производства Салехарда в период вхождения округа в состав Омской области (1935 – 1944 гг.) // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021. № 3. (112). с. 76–95. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.112.3.006

Original article

THE FORMATION OF THE BRICK PRODUCTION IN SALEKHARD DURING THE PERIOD WHEN THE DISTRICT WAS PART OF THE OMSK REGION (1935-1944)

Alexander E. Wolf

Yamal-Nenets Regional Museum and Exhibition Complex named after I.S. Shemanovsky, Salekhard, Russia

wolf424@mail.ru

Abstract. Information on the history of the development of brick production in Salekhard during the formation of the Yamal-Nenets national district is summarized in the article for the first time. In the conditions of a poorly developed system of transport communications and with the increase in the population of the district, local-made bricks were in demand by construction organizations. During the Great Patriotic War, the formation of brick production in Salekhard was completed. In contrast to the pre-war period, the bricks began to be made of high quality. Of particular value is the document “Test for frost resistance and thawing of three types of bricks of the city industrial complex at the Yamal-Nenets District Construction Department from March 16 to March 26, 1940”. The dimensions indicated in it make it possible to identify local-made bricks and distinguish them from imported ones. This information will be valuable, first of all, for the employees of the district museums, who form historical and household collections, archaeologists and brick collectors.

Keywords: brick factory, Salekhard brick, Chief Directorate of the Northern Sea Route, All-Union Arctic Institute, Stakhanovite movement, newspaper Krasny Sever, Salekhard.

Citation: A.E. Wolf. The formation of the brick production in Salekhard during the period when the district was part of the Omsk region (1935-1944) // Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2021. № 3. (112). P. 76–95. doi: 10.26110/ARCTIC.2021.112.3.006

Введение

История развития кирпичного производства в Салехарде в период становления Ямало-Ненецкого округа в научной литературе освещена недостаточно. В рассматриваемый период Салехард стал городом, столицей, а также промышленным центром округа, а еще базой по освоению Арктики. В условиях отсутствия железной дороги, ограниченных возможностей паромного сообщения дефицит товаров восполняла местная промышленность. Она включала и кирпичное производство, которое в условиях роста населения и повсеместного строительства имело ключевое значение. Кирпичные заводы Салехарда обеспечивали продукцией население всего округа. Отрывочные сведения, которые опубликованы о кирпичном производстве Салехарда, не отражают целостной картины развития отрасли. Частично тема кирпичного производства в Салехарде была затронута А.Е. Вольфом в статье «Краеведческие изыскания по геологии – путь к созданию строительной промышленности Ямало-Ненецкого округа (1930-е годы)» (2019). Также краткая информация в виде энциклопедических справок, которые значительно искажают представление о работе кирпичных заводов в Салехарде, была напечатана в монографиях: «История Ямала» Т. 2, Кн. 1 (2010); Л.В. Алексеева «Ямало-Ненецкий автономный округ в первое десятилетие своей истории (декабрь 1930 г. – июнь 1941 г.)» (2011). В указанных книгах приведены сведения исключительно за 1935 год, и на основании одного года сделаны выводы относительно целого десятилетия. Даже не указано, что в 1934–1935 гг. произошла смена собственника на двух кирпичных заводах. До 1934 г. кирпичное производство в Салехарде находилось в кооперативной собственности, а после ликвидации кооперативов заводы были переданы в коммунальную собственность. В 1936 г. один из них был включен в состав комбината местной промышленности, а второй, по-видимому, – в систему Главного Управления Северного морского пути (далее ГУСМП). По этой причине, автор данной статьи не ставил задачу рассказать о развитии кирпичного производства в условиях кооперации. Это отдельная тема исследования. Рассмотренный в статье материал относится к истории Омской области (1935–1944). Именно в это время округ был оформлен в современных границах (в 1937 г. в него включен Шурышкарский район, а в 1944 г. – Красноселькупский район). В шести районах из семи (кроме Красноселькупского), а также в Салехарде, функционировали кирпичные заводы. Самым крупным из них по-прежнему оставался Салехардский завод. 14 августа 1944 г. Ямало-Ненецкий округ был передан в состав вновь образованной Тюменской области.

Цель статьи: выявление и введение в научный оборот новых данных о становлении кирпичного производства в Салехарде (1935–1944 гг.).

Данному периоду соответствует время вхождения округа в состав Омской области. Именно тогда была существенно улучшена организация труда и достигнут стабильный уровень развития кирпичного производства.

Методы исследования и источники

Материал статьи основан на изучении документов, хранящихся в Государственном архиве Ямало-Ненецкого автономного округа, а также на сведениях, опубликованных в 1936–1943 гг. в окружной газете «Няръяна Нгэрм» (Красный Север). Объектом исследования является процесс становления и развития кирпичного производства в Салехарде в период формирования округа.

Результаты и обсуждения

Кирпич, который изготавливали в Салехарде, в основном использовали для печной кладки как в городе, так и в учреждениях округа [1, с. 4]. Производство кирпича исчислялось десятками тысяч штук, хотя и этого было недостаточно, так как потребность округа составляла «... примерно, до одного миллиона» [1, с. 4]. Если в Обдорском районе, Уральской области, по данным Приполярной переписи 1926–1927 гг., проживало лишь 13 572 человека, то в Ямало-Ненецком национальном округе, по материалам Всесоюзной переписи 1939 г. — 45 840 человек [2, с. 39, 41]. Тем не менее, в некоторых монографиях указывается, что в 1935 г. два кирпичных завода Салехарда изготовили всего 489 штук кирпича [3, с. 140; 4, с. 167]. Если посмотреть справочник мастера печного дела, то окажется, что для кладки отопительной печи треугольной формы нужно 1000 шт. кирпича, а на печь с лежанкой 1200 штук [5, с. 16, 21–22].

Новые возможности развития кирпичная отрасль производства в Салехарде получила в 1936 г., когда был создан комбинат местной промышленности (далее по тексту местпром) [6, л. 120]. На его баланс из системы коммунального хозяйства передали четыре кирпичных сарая (цеха), площадью 2 тыс. 200 кв. м, построенных из дерева в 1926 г., по адресу: ул. Набережная, д. 48 [7, л. 48, 124]. До 1936–1937 гг. в цехах завода отсутствовали простейшие виды механизмов — хлопущи и глиномялки. Осенью 1937 г. на заводе был построен тепляк для зимней выработки кирпича площадью 162 кв. м [6, л. 120; 7, л. 124]. Это здание было разделено на три сушильных отделения. Под первым и вторым отделениями находились напольные печи для обжига (по одной печи под каждым отделением). В одну печь можно было поместить 8 тыс. шт. кирпича. Общее количество выпуска кирпича в зимнее время (8 месяцев) составляло 200 тыс. штук. Тепло, получаемое от обжига кирпича, использовалось для сушки кирпи-

ча-сырца. Его укладывали на стеллажи в первом отделении одновременно с загрузкой кирпича в печь. Во втором отделении делали кирпич-сырец. Здесь находилась глиномялка размером 11 м на 10 м. Третье отделение тепляка размером 11 м на 30 м было предназначено для хранения глины, рассчитанной на выпуск 200 тыс. шт. кирпича. Глина в тепляк заготавливалась весной, а в зимнее время в нем поддерживалась температура от 0 до +2 градусов. Чтобы глина в тепляке не промерзала, под полом была создана воздушная прослойка до 40 см, а также уменьшен размер пола по периметру (не был доведен до стен на 20 см) [8, л. 14-15].

По штатному расписанию местпрома в 1937 г., на кирпичном заводе должно было работать 18 человек, но во II квартале трудилось 15, в III – 23, в IV – 24 человека [9, л. 8]. По состоянию на 1939 г. средняя численность рабочих составляла 21 человек [7, л. 48]. Они выполняли следующие работы: долбили и подвозили глину; осуществляли коногон лошадей; пропускали глину через глиномялку; делали колобки для кирпича; везли глину к хлопущей; изготавливали кирпич хлопущей; укладывали кирпич на стеллажи; сортировали кирпич; сушили кирпич; подносили кирпич к печи; осуществляли посадку кирпича в печь; выгружали кирпич из печи и складывали на площадке (15 метров от тепляка); оттаивали песок; подвозили песок и подавали его в цех; везли воду с реки Полу́й и тоже подавали в цех; пилили дрова и укладывали их в поленницы; чистили очелки (передняя часть печи); обжигали кирпич и т.д. Когда начали изготавливать «таш» (грузила для неводов и сетей)², рабочие выполняли тот же перечень работ [11, л. 42-44]. Также в 1937–1938 гг. было начато производство гончарных изделий (посуды) [6, л. 41]. Их делал один мастер, который имел оборудование кустарного типа и одну печь. При этом гончарные изделия не всегда были качественными. Так, в марте 1941 г. из переданных Аксарковскому рыбозаводу предметов 30% было забраковано. В июне 1941 г. гончар был сокращен, и производство закрыто [12 л. 63, 87, 128].

Второй кирпичный завод являлся ведомственным предприятием ГУСМП. Вероятно, он располагался по адресу: ул. Подгорная, д. 24. Именно этот адрес упомянут в объявлении стройучастка ГУСМП [13, с. 4; 3, с. 140].

² В 1944 г. производство «таша» было приостановлено и снова возобновлено в 1948 году [10, с. 2].

Таблица 1. Производство кирпича в Салехарде (1936–1939 гг.)

ЗАВОДЫ	ПЛАНОВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ по годам				ФАКТИЧЕСКИ ВЫПОЛНЕНО			
	1936	1937 ³	1938	1939 ⁴	1936	1937	1938	1939
Кирпичный завод НКМП ⁵ (Салехард)	500 т. шт.	500 т. шт.	600 т. шт.	800 т. шт.	345 т. (69%)	380 т. ⁶ (76 %)	425,4 т. ⁷ (80,4 %)	302 т. (44,2 %) ⁸
Кирпичный завод ГУСМП (Салехард)	–	200 т.	–	–	–	–	82, 2 % ⁹	–

Источник: [6, л. 82, 120, 212; 9, л. 1; 7, л. 42].

Надо сказать, что качество салехардского кирпича во второй половине 1930-х годов было плохим, и на страницах окружной газеты «Красный Север» нередко критиковали руководство местпрома¹⁰. Известно, что в летний период 1938 г. кирпич обжигался всего пять дней, вместо необхо-

³ В статье Садовникова «Увеличить выработку кирпича» приведены плановые показатели на 1937 г. в размере 700 тыс. шт. кирпича по Салехарду с учетом двух кирпичных заводов – местпрома и ГУСМП. В документе «Сведения выполнения производственной программы местпрома за 1937 г.» плановые показатели кирпичного завода представлены в 500 тыс. шт. кирпича [9, л. 1]. Цифра в 500 тыс. шт. по местпрому названа и в другом документе «Перспективы плановых заданий на 1937 г. по Салехарду» [6, л. 93].

⁴ В «Отчете о выпуске продукции по Окрместпрому с 1936 по 1939 г.» приведены плановые показатели на 1939 г. в 600 тыс. штук [6, л. 212]. Вероятно, план по выпуску кирпича был увеличен на 200 тыс. штук, в связи с передачей на баланс местпрома в 1939 г. кирпичного завода ГУСМП.

⁵ Наркомат местной промышленности

⁶ В первом, а также втором квартале 1937 г. кирпич не делали, а в третьем изготовили 237 тыс. 850 шт., а в четвертом – 75 тыс. 630 шт. [9, л. 5]. Суммировав цифры, получим 313 тыс. 480 шт.

⁷ По сообщению Окружного отдела местной промышленности от 13.12. 1938 г., рабочие кирпичного завода изготовили в летний период 460 тыс. шт. кирпича, а в зимний – 125 тыс. (всего 585 тысяч), но при этом 500 т. шт. осталось необожженных [5, л. 157]. В «Отчете о выполнении плана по валовой продукции за 1939 г.» приведена цифра о производстве в 1938 г. кирпича в количестве 425 т. 375 штук [7, л. 42]. По отчету Окружного отдела местной промышленности за 1936–1939 г., выполнение плана в 1938 г. составило 79% [6, л. 120].

⁸ По другим данным, выпуск кирпичной продукции местпрома за 1939 г. составил 40% [12, л. 38].

⁹ В статье А.Е. Вольфа «Краеведческие изыскания по геологии – путь к созданию строительной промышленности Ямало-Ненецкого округа (1930-е годы) // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа, Вып. 1 (102), 2019 г., ошибочно указано, что рабочие кирпичного завода ГУСМП в Салехарде в 1937 г. изготовили не 164 тыс. кирпичей, а 160 тысяч.

¹⁰ В книге «Ямал: грань веков и тысячелетий» сообщается, что салехардский «Кирпичный завод обжигал 600 тыс. штук качественного печного кирпича». По отношению к 1930 годам это не соответствует действительности [14, с. 470].

димых девяти. При этом «... печи топились никуда не годными дровами»¹¹, а замдиректора местпрома Зверев жигарям говорил: «Ничего, как-нибудь. Только давайте поскорее». Не лучше обстояли дела и в зимнее время. Печи растапливались не каждый день, и неравномерная сушка кирпича снижала его качество [15, с. 3]. Нередко бывало, что свежевыкопанную глину (по инструкции ее нужно было заготовить за 1–2 суток до начала работ) сразу закладывали в глиномялку [12, л. 125]. Надо полагать, что такие методы работы были вызваны приспособлением к выполнению форсированных требований относительно плановых показателей.

Тем не менее, жители Салехарда полагали, что ситуацию на заводе можно было изменить, если использовать электроэнергию. В частности, в статье «Увеличить выработку кирпича» сообщалось, что на складе конторы ГУСМП имеется мотор 24 НР, который можно было применить на кирпичном заводе стройучастка № 2 ГУСМП. В то же время руководству местрома был дан совет: «... использовать один из дизелей Салехардской электростанции»¹². Предполагалось, что наличие полумеханизированных кирпичеделательных глиномялок повысит производительность труда в два раза, и салехардские заводы смогут увеличить выпуск кирпича до 1 млн. 400 тыс. штук в год. Соответственно, можно было делать не только печной кирпич, но и строительный, так как возведение кирпичных зданий в Салехарде «... является необходимым» [1, с. 4]. По имеющимся данным, рыбоконсервный комбинат в 1936 г. передал местпрому 42 тыс. кВт электроэнергии [17, л. 76]. В указанное время основная часть зданий местпрома была расположена по адресу: ул. Пушкина, д. 4 [7, л. 48]. При этом кирпичный завод, который располагался по другому адресу, электроэнергией не обеспечивался¹³ [12, л. 87]. Даже в июле 1941 г. окружной исполнительный комитет в обращении к директору горпромкомбината И.К. Кручинину указал: «успешность работы бригад во многом зависит от хорошо работающей глиномялки. Для этой цели необходимо установить более частую смену лошадей и, главное, следить за упитанностью последних» [12, л. 59].

¹¹ Дрова, возможно, были сырые или трухлявые.

¹² Электростанция в конфискованном у Православной церкви храме Святых апостолов Петра и Павла по адресу: Свердлова, д. 2, функционировала с сентября 1936 по декабрь 1938 г. Следовательно, после ее ликвидации возможность использования двигателей существовала (на электростанции было три двигателя). К тому же, из пояснительной записки к пятилетнему плану электрификации по Ямальскому округу (1934–1937 гг.) известно, что кирпичный завод был внесен в перечень основных предприятий Салехарда. Каждое из этих предприятий должно было иметь автономную электростанцию. По предварительным расчетам, в 1934–1935 гг. мощность кирпичного завода была рассчитана на 40 кВт электроэнергии, а в 1936–1937 г. – на 60 кВт. [16, л. 2].

¹³ Во второй половине 1930-х годов Салехард был разделен на две энергетические зоны обслуживания. Территория от улицы Республики (вероятно от улицы Набережной, на которой располагался кирпичный завод) до улицы Ленина обеспечивалась электроэнергией от электростанции по адресу: ул. Свердлова, д. 2, а остальная часть – от электростанции рыбоконсервного комбината [19, с. 3].

По настоятельной просьбе планового отдела исполкома Ямало-Ненецкого окружного Совета депутатов трудящихся Всесоюзный арктический институт внес в план работы на осень 1938 г. изыскания глин в окрестностях Салехарда [19, с. 3]. Эту работу выполнила геолог Н.П. Вербицкая. В справке она сообщила, что отправила 4 образца салехардской глины в Ленинград, в Институт огнеупоров. Три из них были взяты из окрестностей кирпичного завода по ул. Набережной, д. 48. Первый образец № 1073 был извлечен из правого берега реки Полуй: *«почва – 5 см; песок светло-серый, тонкий – 1 м; глина тонкая, без валунов»*. Вторым образец № 1077 – из оврага длиной 100-125 м, прорезавшего правый склон р. Полуй выше кирпичного завода: *«В верховьях оврага выходят серые слоистые глины с прослойками песков и глин, окрашенных в желтый цвет. Вид мощный 1,5-2 м, ниже выходят серо-желтые тонкие пески»*. Третий образец № 1075 – из устья склона вышеназванного оврага: *«Песок серо-желтый, тонкий слоистый – мощность 2,5 м; песок грубозернистый с галькой 0,5 м; осыпь, высота обрыва склонов 10-12 м»*. Местоположение четвертого образца № 1076 осталось неизвестным, его передали из Окрисполкома [20, л. 3]. Ответное письмо из Института огнеупоров автору публикации обнаружить не удалось. Но надо полагать, карьер, который был расположен в районе ул. Набережной, уже был истощен. В частности, в акте передачи кирпичного завода с баланса Местпрома на баланс Горпромкомбината (1939–1940 гг.) читаем: *«... значитесь глина, на сумму больше 300 руб., накопанная прошлой осенью для зимы, но фактически не использованная, как недоброкачественная»* [12, л. 61].

К летнему сезону 1939 г. кирпичный завод оказался не готов. На заводе вместо 52 рабочих, как требовалось по штату, работало 28 человек. Кроме этого, отсутствовали соцсоревнования между бригадами, не был проведен ремонт сушильных сараев, напольных печей, трех общежитий¹⁴, не осуществлена заготовка дров в полном объеме [21, л. 98]. В итоге, качество летнего кирпича 1939 г. оказалось хуже зимнего, а руководство, в свое оправдание сослалось на систематические дожди: *«... в течение всего лета задерживали сушку кирпича вместо 10-12 дней до месяца и больше»* [6, л. 120].

В ноябре 1939 г. по случаю избирательной кампании в местные советы депутатов трудящихся в Салехарде, в разных уголках города, были проведены отчетные собрания Салехардского горсовета. Граждане говорили о достижениях и упущениях в работе в период с 1934 по 1939 гг. В числе затронутых тем была и организация кирпичного производства. Например, на собрании поселка консервного комбината сотрудник аэропорта

¹⁴ В 1941 г. была составлена дефектная ведомость по ремонту трех зданий кирпичного завода [20, л. 19-20]. По-видимому, все общежития находились на улице Набережной, дом 48, 48 а, 52 [7, л. 124].

Смирнов заявил: «... кирпича не хватает, и тот недоброкачественный, опасно сложить печь в противопожарном отношении» [22, л. 651]. Аналогичное замечание высказал и гражданин Ушаков, который представлял союз медиков: «... кирпичный сарай даже на половину не удовлетворяет потребность населения, качество кирпича очень плохое» [22, л. 656]. Те же претензии высказал и гражданин Кузнецов на собрании союзов работников суда, прокуратуры и госучреждений: «... качество кирпича очень низкое, ниже 50% брака не бывает» [22, л. 671].

По итогам 1939 г. было изготовлено 44% кирпича от плана, хотя в составе местпрома уже находился кирпичный завод ГУСМП [6, л. 120]. Из-за дефицита качественного кирпича его привозили в Салехард из других мест, как уголь, смолу или деготь. Доставка осуществлялась по Оби пароходами. Навигация по реке длилась 115-120 дней (1-10 июня – 5-10 октября)¹⁵ [23, л. 1]. В связи с тем, что Обь ранее замерзала ранней осенью, капитаны пароходов часто выгружали товары в Мужах, Березово и даже в Самарово [22, л. 649; 3, с. 156]. Привозной кирпич отпускался в Салехарде по цене 270 рублей за 1000 штук, а салехардский – по 117 рублей¹⁶ [4, с. 168; 12, л. 38].

В декабре 1939 г. СНК РСФСР принял «Положения о госпромышленности, состоящей в ведении районных исполнительных комитетов, горсоветов и райсоветов в городах, имеющих районное подчинение». Опираясь на этот документ, в Салехарде провели реорганизацию местпрома, и создали городской промышленный комбинат (далее по тексту горпромкомбинат) [21, л. 263]. Несколько месяцев горпромкомбинат подчинялся Окрместпрому (упразднен 2 февраля 1940 г.), а позже Окрплану [7, л. 11]. В годовом отчете за 1939 г. о состоянии кирпичного завода сказано, что в нем совершенно отсутствует оборудование, а вся работа производится: «... дедовскими методами» [7, л. 3]. В результате директор кирпичного завода Ганин и бухгалтер Иванов в 1940 г. были осуждены к 5 годам лишения свободы, правда, позже они были оправданы [12, л. 125–125а]. В этом случае уместно вспомнить слова И.В. Сталина из речи «О задачах хозяйственников», которую он произнес еще в 1931 г. на первой Всероссийской конференции работников социалистической промышленности: «Техника в период реконструкции решает все. И хозяйственник, не желающий изучать технику, не желающий овладеть техникой, – это анекдот, а не хозяйственник».

¹⁵ В настоящее время навигационный период для Обской дельты (Пуйко-Ярсале) равен 4 месяцам (16 июня – 16 октября), для Южной части Обской губы (Новый Порт) – 3 месяцам (1 июля – 1 октября) и при продвижении к средней части губы (мыс Дровяной) – 2 месяцам [24, с. 215-220].

¹⁶ Стоимость кирпича в Пуровском районе с доставкой по состоянию на 1939 г. была равна 1 шт. = 1 р., за 1000 шт. = 1000 рублей [25]. В поселке Аксарка кирпич местного производства продавался в 1936 г. по цене 1 р. 80 к. за штуку [26, л. 36-37].

Кирпичный завод в составе Горпромкомбината

В состав Салехардского горпромкомбината вошло два предприятия (кирпичное и известковое), а также несколько мастерских (столярно-мебельная, весо-ремонтная, кузнечно-слесарная, жестяная, косторезно-художественная) [21, л. 263]. Имущество кирпичного завода по состоянию на 1 января 1940 г. включало: 4 деревянных сараев (1926 г.); 2 тепляка (1937 и 1939 гг.); 1 деревянное здание для сушки кирпича; 5 напольных печей; 4 глиномялки (2 чугунные и 2 деревянные)¹⁷; 2 чугунные вагонетки; 3 общежития [7, л. 124]. К апрелю 1941 г. были подготовлены технические сметы и дефектные ведомости по кирпичному заводу [12, л. 38]. Требовался ремонт напольных печей, кирпичных сараев, забоя, тепляка, жилых барачков, глиномялок, вагонеток, а водовозки необходимо было сделать новые [20, л. 17-21]. По-видимому, речь идет о тепляке, построенном в 1939¹⁸ г. за 45 тыс. рублей, который к лету 1941 г. уже был признан не пригодным к эксплуатации: «... крыши нет, все протекает, вследствие чего и кирпич зимней выработки имеет плохое качество» [12, л. 125-125а]. На ремонт оборудования и реконструкцию зданий было выделено 25 тыс. 657 руб., но успели освоить только 24 тыс. 884 рубля [20, л. 1]. На эти деньги построили одну печь (5 тыс. 410 руб.), сделали стеллажи в сушильных сараях № 1 и № 3 (12 тыс. 377 руб.), осуществили текущий ремонт имеющихся печей, сараев, тачек, а также приобрели котел и лопаты (7 тыс. 097 руб.) [20, л. 1].

В конце августа завод посетила комиссия, которая отметила, что рейки на стеллажах набиты неравномерно, с зазорами в 10-12 см, из-за чего сырой кирпич во время сушки деформируется (провес, трещины и т.д.). Комиссия потребовала переделать стеллажи, а неиспользованную ссуду использовать на строительство нового завода. Кроме того, последовало распоряжение: «*Немедленно восстановить за счет амортизации средства, израсходованные на текущий ремонт печей № 1, 3, 4, сараев № 2, тачек, приобретение лопат, котла и т.д. и незаконно полученные проценты начисления в сумме 3 тыс. 58 руб*» [20, л. 1]. Надо полагать, денежные средства были взяты из ссуды, которую в размере 79 тыс. рублей предоставили Салехардскому горпромкомбинату на строительство нового кирпичного завода. Эти денежные средства были выделены решением исполкома Омского областного совета 10 мая 1941 г. [12, л. 48, 57]. Решение приняли с учетом двух факторов: месторасположение предприятия препятствовало расширению городской застройки и недостаточной мощности кирпично-

¹⁷ В 1941 г. для их работы продолжали использовать лошадей, которых необходимо было часто менять «... и главное, следить за упитанностью последних» [12, л. 59]

¹⁸ В докладной записке директора горпромкомбината И.К. Кручинина на имя начальника Ямало-Ненецкого окружного отдела НКВД Скочилова от 20 августа 1941 г. сообщается, что тепляк был построен в 1940 г. [12, л. 125].

го завода [12, л. 25-26; 6, л. 41]. За одну смену, используя 4 глиномялки с конным приводом, можно было изготовить 4-5 тыс. штук кирпича, а 5 напольных печей были рассчитаны не более чем на 80 тыс. штук [12, л. 87]. В связи с этим предполагалось, что новый завод будет механизированным с мощностью 1-2 млн. штук кирпича в год [12, л. 38].

После получения ссуды Салехардский горсовет 5 июля 1941 г. принял решение: «*Немедленно приступить к изысканию массивов глины для постройки нового кирпичного завода*» [12, л. 56-57]. К весне 1942 г. новый кирпичный цех был построен только на 40%, и дальнейшее строительство приостановлено «... *так как лес, закупленный для постройки сарая, был израсходован на другие нужды*» [27, с. 2].

Вероятно, что новый завод возводили по прежнему адресу: Салехард, ул. Набережная, д. 48, так как в окрестностях Салехарда массивы качественных глин в промышленных объемах так и не были найдены. В частности, директор окружного музея В. Денисенко в 1942 г. в газете «Красный Север» писал о необходимости присылать в окружной музей с указанием места находки и количества: «*Образцы найденных глин, минералов*» [28, с. 2]. Также известно, что в 1941–1943 гг. он выезжал в Приуральскую тундру и почтой отправил в окружной музей из Аксарки более десяти образцов глины¹⁹ [29, с. 274]. В годы Великой Отечественной войны глину доставляли с юга и в Салехард, и даже в Новый Порт [29, с. 274; 30, л. 259]. Возможно, ее поставки осуществлялись из Шурышкарского района, где она была обнаружена в большом количестве [31, с. 2].

Дефицит глины и дров привел к тому, что руководство горпромкомбината вынесло на рассмотрение вопрос о повышении цены на кирпичную продукцию. Отпускная цена за 1000 шт. кирпича была 117 рублей, в то время как на его изготовление предприятие в летний период (июнь-сентябрь) расходовало 268 руб. 44 коп., а в зимний (октябрь-май) – 596 руб. 80 коп.²⁰ [12, л. 38]. Ввиду этих обстоятельств было предложено, ходатайствовать перед исполнительным комитетом Омского областного совета депутатов трудящихся об установлении на территории Ямало-Ненецкого округа расценок на местный кирпич в размере его себестоимости. В случае отказа, просить датировать отрасль из местного бюджета в размере 140 тыс. 120 руб. [12, л. 38]. По-видимому, Омский областной совет отклонил предложение датировать отрасль, и с 1 марта 1941 г. на салехардский кирпич были установлены новые цены. Одна тысяча кирпича I сорта, изготовленного зимой, начала продаваться по 620 рублей за 1 тыс. штук,

¹⁹ Упомянутые образцы глин на учете в фондах МВК им. И.С. Шемановского в настоящее время отсутствуют

²⁰ В «Истории Ямала» Т. II, Кн. 1 приведены данные со ссылкой на Центр документации новейшей истории Омской области, что в Салехарде местный кирпич продавался по 140 руб. за одну тысячу, но в какие годы была такая цена, не указано [4, с. 168].

II сорта – 575 руб., III сорта – 523 руб. и бессортный – 596 руб. 80 копеек. Летний кирпич стоил в два раза дешевле. Одна тысяча кирпича I сорта продавалась по 335 руб., II сорта – 300 руб., III сорта – 266 руб. и бессортный – 268 руб. 44 копейки [12, л. 71]. В апреле 1941 г. также было предложено воздержаться от продажи потребителям кирпича низших сортов. Такому решению способствовала запись, сделанная в акте осмотра закупленного у Горпромкомбината 340 шт. кирпича: «... из общего количества 50% половняк и потрескавшийся и пережиг» [12, л. 35]. Всего в 1941 г. было изготовлено 419 тыс. шт. кирпича [32, с. 267]. Также исполком Салехардского городского совета в решении от 05.07. 1941 г. указал о необходимости провести на предприятии опыт по изготовлению черепицы и о результатах доложить до 1 августа 1941 г.²¹ [12, л. 57].

Таблица 2.

Испытание на морозоустойчивость и оттаивание трех сортов кирпича горпромкомбината при Ямало-Ненецком Окрстрое с 16 по 26 марта 1940 г.

Сорт кирпича		Длина		Ширина		Толщина		Испытание на морозоустойчивость и оттаивание		Результаты испытания
		гост	факт	гост	факт	гост	факт	к-во заморозок при –10 гр.	к-во оттаиваний при +12 гр	
1	Кирпич красного цвета хорошо обожженный, при ударах издает металлический звук	250	244	120	122	65	70	15	15	Признаков разрушения не обнаружено
		250	244	120	115	65	72	15	15	
		250	244	120	118	65	62	15	15	
2	Кирпич красный слабого обжига с хорошим звуком	250	243	120	121	65	63	15	15	Разрушение началось в виде отслаивания верхней плоскости на глубину 2-4 мм. При 10 оттаиваниях и к концу испытания все плоскости обвалились на глубину до 20 мм.

²¹ Дополнительные сведения по этому вопросу автору статьи обнаружить не удалось.

Продолжение таблицы 2

Сорт кирпича		Длина		Ширина		Толщина		Испытание на морозоустойчивость и оттаивание		Результаты испытания
		гост	факт	гост	факт	гост	факт	к-во заморозок при -10 гр.	к-во оттаиваний при +12 гр	
3	Кирпич бурого цвета слабого обжига / звук нормальный	250	242	120	122	65	56	10	10	Разрушение началось в виде отслаивания пленки с плоскостей. При 5 оттаиваниях и к концу 10-го оттаивания получилось полное разрушение

Заключение: «1) По требованиям ГОСТа, по размерам и правильности форм все партии образцов относятся к браку. 2) По морозоустойчивости кирпич с достаточным обжигом имеет хорошее качество, а кирпич со слабым обжигом красного и бурого цвета относится к браку. 3) На кладку печей внутри помещений можно использовать без ущерба для качества кирпич слабого обжига при условии выполнения требований ГОСТа в отношении соблюдения требуемых размеров» [20, л. 4].

В июне-июле 1940 г. Президиум Верховного Совета СССР издал два указа, которые ужесточали наказания за опоздание, отказ от работы, а также за выпуск брака. Нарушителей привлекали к административной или уголовной ответственности. Так, по итогам июля 1940 г. 10 рабочих горпромкомбината были осуждены. Столяр Кондюков за отказ от работы был лишен свободы на 4 месяца, техник-строитель Слепцов – на 3 месяца, пыльник Широков за прогул и пьянство – на 3 месяца, семь человек за прогулы и опоздания приговорены к лишению свободы на срок от 3 до 6 месяцев [7, л. 26]. По-видимому, чтобы избежать наказания, на кирпичном заводе вынуждены были завышать в отчетной документации сортность кирпича. В частности, директор горпромкомбината И.К. Кручинин в докладной записке на имя начальника Ямало-Ненецкого окружного отдела НКВД от 20.08. 1941 г. сообщил: «... из 10 тыс. шт. кирпича II сорта – 70% являются кирпичом III сорта» [12, л. 125]. Надо заметить, что в этот период в Ямало-Ненецком округе наблюдался строительный бум²².

²² Кирпич в Салехарде заказывали и другие организации. Их перечень широко представлен в документах ГА ЯНАО за 1941 г. [12, л. 139, 141, 147, 152, 154-155, 157, 159-160, 168].

Кирпич заказывали как юридические, так и физические лица. В заявках на получение кирпича от 7 и 9 июня 1941 г. отмечены: контора связи – 10 тыс. штук кирпича; отдел народного образования – 50 тыс. штук; нащепдучилище – 6 тыс. штук; начальная школа – 1,5 тыс. штук; учебно-кооперативный комбинат – 6 тыс. штук; средняя школа – 24 тыс. штук; отдел здравоохранения – 16 тыс. штук; медсанлаборатория – 6 тыс. штук; городская поликлиника – 11 тыс. штук; детский дом – 1,5 тыс. штук; окружная больница – 16 тыс. штук; артель инвалидов – 12 тыс. штук; олентехникум – 5 тыс. штук; начальная средняя школа при рыбоконсервном комбинате – 25 тыс. штук; лесотарный завод – 23 тыс. штук; ОКРТОП – 10 тыс. штук; заготовительная контора – 2 тыс. штук; жилищное управление – 25 тыс. штук; Надымский оленсовхоз – 5 тыс. штук; Дронзиков – 3 тыс. штук [12, л. 50, 54].

Великая Отечественная война изменила повседневный жизненный уклад. На фронт с территории Ямало-Ненецкого округа в 1941-1942 гг. было призвано 6145 человек [33, с. 52]. Большую часть рабочего коллектива кирпичного завода стали составлять женщины и старики. Продолжительность рабочего времени была увеличена до 10 часов [12, л. 59]. В газете «Красный Север» от 19 сентября 1941 г. была отмечена работа Шумиловой и Запорожец, которые выполнили норму земляных работ на 110%. В заметке также упомянуты за хорошее и отличное качество работы: Чупрова, Терехина, Веснина, Сидорова и Климова [34, с. 2]. Через несколько дней была опубликована еще одна заметка: «Мы еще поработаем для родины». В ней сообщалось, что шестидесятилетние старики Ямшиков и Ариничев работают по-стахановски [35, с. 2]. Уже ближе к весне 1942 г. в Салехарде были отмечены передовики кирпичного производства [36, с. 2]. Тогда на заводе работало 30 человек. В мае планировали выпустить 32 тыс. штук обожженного кирпича, а изготовили 33 тысячи. Кроме кирпича рабочие завода также делали грузила для неводов и сетей. В апреле они перевыполнили производственный план по его производству на 193,6%, а в мае – на 100%. И все же, этого было недостаточно. Поэтому, во второй половине 1942 г. предполагалось увеличить штат предприятия до 100 человек и месячную норму производства кирпича до 250 тыс. штук [27, с. 2]. Это оказалось трудной задачей. По состоянию на 20 июля 1942 г. из запланированных 200 тыс. штук кирпича было изготовлено всего 77 тыс. штук. Причина – недостаточная заготовка сухих дров, а использование сырых снижало качество продукции и задерживало выпуск. Летом штат коллектива кирпичного завода был увеличен. Только на резке кирпича работало около 40 женщин [37, с. 2]. К декабрю на заводе уже функционировали стахановские бригады, и ситуация была исправлена. Были отмечены бригады Климовой, Весниной и Алгазиной. Бригада Климовой ежемесячно перевыполняла план на 260-300%, Весниной – на 200-220%, а Алгази-

ной – на 160-200% [38, с. 2]. В числе передовиков кирпичного завода Салехарда в 1943 г. упомянуты Терешкина Вера Дементьевна, Чернова Зоя Федоровна, Степанова Екатерина Матвеевна, Хренова Пелагея Дмитриевна, Семенова Елена Николаевна²³ и др. [39, с. 2; 40, с. 2].

Отмечая положительную динамику развития завода, назовем факторы, которые этому способствовали. Развитие стахановского движения под руководством комсомольских и коммунистических ячеек, ужесточение законодательства, а также доставка глины и хороших дров. Женщины восприняли лозунг «Все для фронта, все для победы» как личное обязательство. Так, выступая на митинге, посвященном изучению приказа И.В. Сталина, стахановка кирпичного завода В.Д. Терешкина заявила: *«Наши работницы работают неплохо, они работают, не считаясь со временем, ежедневно перевыполняют нормы. Но, отвечая на приказ любимого вождя, мы обязуемся работать еще упорнее, чтобы помочь доблестным воинам Красной Армии быстро разгромить ненавистного врага»* [41, с. 2]. К этому призывали и командиры боевых частей в благодарственных письмах. Одно из таких писем было адресовано в 1943 г. работнице кирпичного завода Александре Макаровне Малининой. В нем командир Пашников сообщил, что ее муж Ф.М. Скворцов представлен к правительственной награде и что на трудовом фронте нужно бороться так же стойко и беззаветно [42, с. 2].

В послевоенные годы Салехардский кирпичный завод уже не был убыточным и работал как полноценное предприятие. По состоянию на 01.01. 1950 г. предприятие дало прибыль в 72,2%, на 01.01. 1951 г. – 22,7%, на 01.01. 1952 г. – 0,5% [43, л. 68; 44, л. 30]. В актах выгрузки обожженного кирпича за 1948–1949 гг. численность брака указана не более чем 5%. Например, в акте от 29 декабря 1948 г. сообщается, что из 7 тыс. 880 шт. кирпича 1-го сорта, извлеченного из печи, бракованного было 70 штук (0,88%). И это уже был не единичный случай. В акте от 31 марта 1949 г. сделана запись, из 2 тыс. 320 шт. обожженного кирпича отбраковано 95 штук (4,094%), а 16 апреля из 8 тыс. 300 шт. кирпича бракованных насчитали 140 шт. (1,68%) [4, л. 62, 78-79, 160]. В соответствии с планом горпромкомбината на 1949 г. предполагалось выпустить 600 тыс. шт. кирпича-сырца, 550 тыс. шт. обожженного кирпича, 250 тыс. шт. «таша» (грузил для неводов и сетей) [11, л. 130]. Объемы выпуска кирпича были ограничены наличием глины. В частности, по этой причине планом на 1951 г. было предусмотрено изготовить 400 тыс. штук обожженного кирпича: «... который рассчитан исходя из наличия сырьевой базы» [11, л. 173]. Кроме Салехарда мелкие предприятия, на которых в 1940-е годы

²³ В заметке «Изготовление таша» сообщается, что по состоянию на 1948 г. ее трудовой стаж на кирпичном заводе Салехарда был равен 9 годам. Она была формовщицей и свой многолетний опыт передавала молодому поколению формовщиц [10, с. 2].

изготавливали кирпич, функционировали и в других районах округа: Приуральском²⁴, Тазовском²⁵, Пуровском²⁶, Надымском²⁷, Ямальском²⁸, Шурышкарском²⁹.

Заключение

Кирпичное производство Салехарда в период вхождения округа в состав Омской области прошло два этапа развития. Первый из них длился с 1936 по 1939 гг. В это время кирпичный завод входил в состав комбината местной промышленности, и его продукция была низкого качества, не менее 50% брака. Причины: дефицит глины, сухих дров, неполный штат рабочих, отсутствие возможностей качественно выполнить плановые показатели, наращиваемые в условиях форсированной индустриализации. В феврале 1940 г. кирпичный завод был передан горпромкомбинату. С этого времени в Салехарде начинается второй период развития кирпичной промышленности. Он совпал с Великой Отечественной войной. Коллективу завода удалось преодолеть препятствия, которые мешали предприятию в предвоенные годы. Начали завозить глину с юга, возможно (точные данные найти не удалось) с Шурышкарского района, включенного в состав округа в 1937 г. Также был увеличен и укомплектован штат. Нельзя забывать и о развитии стахановского движения, которое до войны на заводе отсутствовало. Оно было вызвано чувством коллективной ответственности за достижение высоких результатов в условиях войны. Определенную роль играл и страх быть привлеченным к уголовной или администра-

²⁴ В поселке Аксарка в соответствии с производственно-финансовым планом неуставной артели «За лучший труд» предприятие должно было изготовить в 1936 г. 20 тыс. шт. кирпича [26, л. 36-37]. Из первой партии выработанного кирпича к 15 июля 1942 г. было дано распоряжение оставить на месте 175 тыс. шт. [30, л. 266].

²⁵ Известно, что в контрольных цифрах выпуска валовой продукции по Тазовскому району на 1937 г. указана цифра в 9 тыс. шт. кирпича [24, л. 21]. По распределению первой партии выработанного кирпича к 15 июля 1942 г. Тазовский рыбзавод должен был поставить 50 тыс. штук кирпича для поселка Нямбайто [30, л. 266].

²⁶ Первую контрольную партию кирпича должны были выпустить в районе в 1939 г. [25]. Из первой партии кирпича исполком Пуровского райсовета должен был поставить к 15 июля 1942 г.: 10 тыс. шт. кирзаводу; 10 тыс. шт. для поселка Гора; 10 тыс. шт. для поселка Урянхой; 10 тыс. шт. для поселка Ивай-Сале [30, л. 266].

²⁷ Исполнительный комитет Ямальского национального окружного совета поручил 5 февраля 1940 г. исполкому Надымского райсовета произвести в 1940 г. изыскание глины для организации кирпичного производства [13, л. 25-26].

²⁸ Из первой партии выработанного к 15 июля 1942 г. кирпича было оставлено на месте 175 тыс. шт. [30, л. 266].

²⁹ По распределению первой партии кирпича, изготовленного к 15 июля 1942 г., Кушеватский рыбзавод должен был поставить 50 тыс. шт. для поселка на реке Сыне, а из второй партии 45 тыс. [30, л. 266]. В 1943 г. в Мужах был организован райпромкомбинат, который начал производство кирпича из местной глины [31, с. 2].

тивной ответственности за опоздание, прогул или выпуск некачественной продукции. Ответственность перед государством и семьей сплотила коллектив, а также повысила производственную дисциплину, так что, и в конце 1940-х годов качество продукции было высоким. Выпуск качественной продукции позволил улучшить уровень противопожарной безопасности в Салехарде и округе. Как и ранее, кирпич в основном использовался для печной кладки. Остались и нерешенные вопросы. Это касалось электроснабжения предприятия, которое было предусмотрено планом электрификации округа на 1934-1939 гг., но так и не было реализовано даже в военное время.

Список источников

1. Садовников. Увеличить выработку кирпича // Няръяна Нгэрм (Красный Север). 2 апреля, 1938. – № 45. – С. 4
2. Корнилов Г.Г., Корнилов Г.Е., Михалев Н.А., Оруджиева А.Г. Население Ямала в XX веке: историко-демографический анализ. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2013. – 360 с.
3. Алексеева Л.В. Ямало-Ненецкий автономный округ в первое десятилетие своей истории (декабрь 1930 г. – июнь 1941 г.): монография. – Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского гуманитарного университета, 2011. – 245 с.
4. История Ямала. Т. II: Ямал современный. Кн. 1. У истоков модернизации / Под ред. К. Зубкова и др. – Екатеринбург. 2010. – 368 с.
5. Отопительные печи для загородного дома: Справочник/ Сост. В.В. Селиван, В.И. Рыженко. – М.: Изд-во Оникс», 2007. – 32 с.
6. ГА ЯНАО Ф.44, Оп. 1, д. 14
7. ГА ЯНАО Ф. 82, Оп. 1, д. 4
8. ГА ЯНАО Ф. 82, Оп. 1, д. 2
9. ГА ЯНАО Ф. 82, Оп. 1, д. 1
10. Изготовление таша // Няръяна Нгэрм (Красный Север). – № 42, от 28 февраля 1948 г. – С. 2
11. ГА ЯНАО Ф. 82, Оп. 1, д. 27
12. ГА ЯНАО Ф. 44, Оп. 1, д. 65
13. Стройучастку ГУСМП требуются плотники // Няръяна Нгэрм (Красный Север). 8 мая 1937. – № 60, с. 4
14. Ямал: грань веков и тысячелетий. – Салехард–Санкт-Петербург: 2000. – 656 с.
15. Некоторые причины низкого качества кирпича // Няръяна Нгэрм (Красный Север). – № 13, от 28 января 1939 г. – С. 3
16. ГА ЯНАО Ф. 38, Оп. 1, д. 35
17. ГА ЯНАО Ф. 10, Оп. 1, д. 19
18. Прибыльский П. Поиски по углю и глинам // Няръяна Нгэрм (Красный Север). 10 мая, 1938. – № 63. – С. 3
19. Электростанция в Сале-Харде // Няръяна Нгэрм (Красный Север). - № 115 от 10 сентября, 1936. – С. 3
20. ГА ЯНАО Ф. 82, Оп. 1, д. 7

21. ГА ЯНАО Ф.44, Оп. 1, д. 10
22. ГА ЯНАО Ф.44, Оп. 1, д. 7
23. ГА ЯНАО Ф. 10, Оп. 1, д. 38
24. Дроздов Б.Т. Транспорт и связь // Экономика и население Ямала в первой трети XX века. – Новосибирск: Академическое издательство «ГЕО», 2014. – С. 215 – 220.
25. Кострюков. Кирпич изготавливается на месте // Няръяна Нгэрм (Красный Север). - № 58 от 5 апреля 1939 г. – С. 4.
26. ГА ЯНАО Ф.3, Оп. 1, д. 12
27. Николаев Н. Горпромкомбинат плохо готовится к лету // Няръяна Нгэрм (Красный Север). - № 121, от 31 мая 1942 г. – С. 2;
28. Денисенко В. О розысках полезных ископаемых // Няръяна Нгэрм (Красный Север). - № 160 от 17 июля 1942 г. – С. 2.
29. Денисенко В. На далекий півночі. Записки етнографа. К.: В-во ЦК ЛКСМУ «Молодь», 1953. – 282 с.
30. ГА ЯНАО Ф. 38, Оп. 1, д. 101
31. Новый райпромкомбинат // Няръяна Нгэрм (Красный Север). – № 150, от 23 июля 1943 г. – С. 2.
32. Броднев М.Н. От родового строя к социализму. Машинописная рукопись, 1965. – 432 с. // Хранится в научной библиотеке МВК им. И.С. Шемановского РК -2906, ЯНМ 19017
33. Рябкова О.В. Мобилизация населения Ямало-Ненецкого национального округа в ряды Красной Армии в годы великой Отечественной войны // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. – Салехард, 2018. Вып. 2 (99). – С. 50 – 54.
34. Жены заменяют мужей // Няръяна Нгэрм (Красный Север). – № 121 от 19 сентября 1941 г. – С. 2.
35. Мы еще поработаем для родины // Няръяна Нгэрм (Красный Север). – № 126, от 25 сентября 1941 г. – С. 2
36. Передовики горпромкомбината // Няръяна Нгэрм (Красный Север). – № 68, от 22 марта 1942 г. – С. 2
37. Непогодина Т. Плоды беспечности // Няръяна Нгэрм (Красный Север). – № 165, от 23 июля 1942 г. – С. 2
38. Светлова М. В ответ на героическую борьбу сталинградцев // Няръяна Нгэрм (Красный Север). 3 декабря, 1942. – № 276. – С. 2
39. Климова. Лучшие люди кирпичного завода // Няръяна Нгэрм (Красный Север). – № 86 от 24 апреля 1943 г. – С. 2
40. Климова. Дочь своего народа // Няръяна Нгэрм (Красный Север). - № 244 от 5 декабря 1943 г. – С. 2
41. Конова М. Будем работать еще упорнее // Няръяна Нгэрм (Красный Север). – № 56 от 13 марта 1943 г. – С. 2
42. Пашников. Письмо с фронта // Няръяна Нгэрм (Красный Север). – № 100 от 15 мая 1943 г. – С. 2
43. ГА ЯНАО Ф. 82, Оп. 1, д. 29
44. ГА ЯНАО Ф. 82, Оп. 1, д. 33

References

1. Sadovnikov. Increase brick production // *Krasny Sever* № 45, dated April 2, 1938. – P. 4
2. Kornilov G.G., Kornilov G.E., Mikhalev N.A., Orudzhieva A.G. Population of Yamal in the XX century: historical and demographic analysis. – Ekaterinburg: AMB Publishing House, 2013. – 360 p.
3. Alekseeva L.V. Yamal-Nenets Autonomous District in the first decade of its history (December 1930 – June 1941): monograph. – Nizhnevartovsk: Publishing house of the Nizhnevartovsk University of Humanities, 2011. – 245 p.
4. History of Yamal. Vol. II: Modern Yamal. Book. 1. At the origins of modernization / Edited by K. Zubkov et al. - Ekaterinburg: 2010. – 368 p.
5. Heating stoves for a country house: Handbook / Compiled by V.V. Selivan, V.I. Ryzhenko. – M.: Onyx Publishing House, 2007. – 32 p.
6. STATE ARCHIVES OF YNAD FUND 44, Inventory list 1, FILE 14
7. STATE ARCHIVES OF YNAD FUND 82, Inventory list 1, FILE 4
8. STATE ARCHIVES OF YNAD FUND 82, Inventory list 1, FILE 2
9. STATE ARCHIVES OF YNAD FUND 82, Inventory list 1, FILE 1
10. Tash making // *Krasny Sever* № 42, dated February 28, 1948. – P. 2
11. STATE ARCHIVES OF YNAD FUND 82, Inventory list 1, FILE 27
12. STATE ARCHIVES OF YNAD FUND 44, Inventory list 1, FILE 65
13. Construction site of GUSMP needs carpenters // *Krasny Sever* № 60, dated May 8, 1937. – P. 4
14. Yamal: the edge of centuries and millennia. – Salekhard – Saint-Petersburg: 2000. – 656 p.
15. Some reasons for poor quality bricks // *Krasny Sever* № 13, dated January 28, 1939. – P. 3
16. STATE ARCHIVES OF YNAD FUND 38, Inventory list 1, FILE 35
17. STATE ARCHIVES OF YNAD FUND 10, Inventory list 1, FILE 19
18. Pribylsky P. Searches for coal and clays // *Krasny Sever* № 63, dated May 10, 1938. – P. 3
19. The power plant in Sale-Khard // *Krasny Sever* № 115, dated September 10, 1936. – P. 3
20. STATE ARCHIVES OF YNAD FUND 82, Inventory list 1, FILE 7
21. STATE ARCHIVES OF YNAD FUND 44, Inventory list 1, FILE 10
22. STATE ARCHIVES OF YNAD FUND 44, Inventory list 1, FILE 7
23. STATE ARCHIVES OF YNAD FUND 10, Inventory list 1, FILE 38
24. Drozdov B.T. Transport and communications // *Economy and population of Yamal in the first third of the XX century.* – Novosibirsk: Academic publishing house «GEO», 2014. – pp. 215 – 220.
25. Kostryukov. Bricks are made on site // *Krasny Sever* № 58, dated April 5, 1939. – P. 4
26. STATE ARCHIVES OF YNAD FUND 3, Inventory list 1, FILE 12
27. Nikolaev V. The city industrial complex prepares poorly for the summer. // *Krasny Sever* № 121, dated May 31, 1942. – P. 2
28. Denisenko V. About the search for minerals // *Krasny Sever* № 160, dated July 17, 1942. – P. 2
29. Denisenko V. In the Far North. Ethnographer's notes. K.: «Youth», 1953. – 282 p.
30. STATE ARCHIVES OF YNAD FUND 38, Inventory list 1, FILE 101

31. New regional industrial complex // Krasny Sever № 150, dated July 23, 1943. – P. 2
32. Brodnev M.N. From the tribal system to socialism. Typewritten manuscript, 1965. – 432 p. // Stored in the scientific Library of the Yamal-Nenets Regional Museum and Exhibition Complex named after I.S. Shemanovsky
33. Ryabkova O.V. Mobilization of the population of the Yamal-Nenets national district in the Red Army during the Great Patriotic War // Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District. 2018. 2(99). - pp. 50 – 54.
34. Wives replace husbands // Krasny Sever № 121, dated September 19, 1941. – P. 2
35. We will continue working for the homeland // Krasny Sever № 126, dated September 25, 1941. – P. 2
36. Leaders of the city industrial complex // Krasny Sever № 68, dated March 22, 1941. – P. 2
37. Nepogodina T. The fruits of carelessness // Krasny Sever № 165, dated July 23, 1942. – P. 2
38. Svetlova M. In response to the heroic struggle of the Stalingrad people // Krasny Sever № 276, dated December 3, 1942. – P. 2
39. Klimova. The best people of the brick factory // Krasny Sever № 86, dated April 24, 1943. – P. 2
40. Klimova. Daughter of her people // Krasny Sever № 244, dated December 5, 1943. – P. 2
41. Konova M. We will work even harder // Krasny Sever № 56, dated March 13, 1943. – P. 2
42. Pashnikov. Letter from the front line // Krasny Sever № 100, dated May 15, 1943. – P. 2
43. STATE ARCHIVES OF YNAD FUND 82, Inventory list 1, FILE 29
44. STATE ARCHIVES OF YNAD FUND 82, Inventory list 1, FILE 33

Сведения об авторе

Александр Евгеньевич Вольф, 1974 г. р., в 1998 г. закончил исторический факультет Черновицкого Национального университета им. Ю. Федьковича, после защиты кандидатской диссертации в 2012 г. получил диплом кандидата исторических наук. В настоящее время работает в Ямало-Ненецком окружном музейно-выставочном комплексе им. И.С. Шемановского в должности старшего научного сотрудника сектора новой и новейшей истории.

Information about the author

Alexander Evgenyevich Wolf, born in 1974, graduated from the Faculty of History of Chernivtsi National University named after Y. Fedkovich in 1998. In 2012 he defended his PhD thesis. Candidate of Historical Sciences. Senior Researcher in the Sector of New and Modern History of the Yamal-Nenets Regional Museum and Exhibition Complex named after I.S. Shemanovsky.

Статья поступила в редакцию 22.04.2021 г., принята к публикации 01.09.2021 г.

The article was submitted on April 22, 2021, accepted for publication on September 1, 2021.

Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа
Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District

№ 3 (112). 2021

В журнале публикуются исследования, посвященные вопросам развития Арктического региона планеты. Для нас важно представить комплексный взгляд на процессы, происходящие в этом регионе, поэтому принимаются рукописи, освещающие проблематику с разных точек зрения — исторической, экономической, экологической, биологической, социокультурной.

Особое внимание уделяется исследованиям истории и образа жизни коренных малочисленных народов Севера, методам адаптации человека к экстремальным условиям Арктики, климатологии и криологии Земли.

Журнал ориентирован на исследователей, работников органов государственного и муниципального управления, аспирантов и студентов университетов стран Арктики.

Журнал является рецензируемым, индексируется и реферируется в наукометрической базе данных Российского Индекса Научного Цитирования (РИНЦ).

Сайт журнала: <http://magazine.arctic89.ru/>

12+

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ №ФС77-81250 от 08.06.2021 г.

Учредитель и издатель: ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»

Адрес учредителя, издателя и редакции:

629008, Россия, Ямало-Ненецкий АО, г. Салехард, ул. Республики, 20, оф. 203,
тел. 8 (34922) 4-41-32, e-mail: vvp2014@bk.ru

Подписной индекс: П6404

Распространяется в печатном виде. Все статьи журнала находятся в открытом доступе (Open Access)

Фото на обложке: Г. Андреев

© Государственное казенное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики»

Подписано в печать __.__.2021. Формат 70x100¹/₁₆.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 10,08.

Гарнитура Newton. Бумага Bio Top. Тираж 100 экз. Заказ № 335097.

Отпечатано в типографии «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»)

г. Омск, ул. Орджоникидзе, 34,

тел. (3812) 212-111

www.золотойтираж.рф
